

КАССАНДРА

КЛЭР

КОРОЛЬ
СТАРЬЕВЩИКОВ

Ловец Мечей

Кассандра Клэр
Король старьевщиков

«Издательство АСТ»

2025

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7 Сое)-44

Клэр К.

Король старьевщиков / К. Клэр — «Издательство АСТ»,
2025 — (Ловец Мечей)

ISBN 978-5-17-164148-1

Кел Сарен, двойник наследного принца сверкающего города Кастеллан, Конора, оказывается между двух миров. Чтобы защитить принца, Кел должен найти виновных в резне во дворце. Единственные зацепки находятся у Короля Старьевщиков, печально известного преступника, правящего подпольем Кастеллана. Тем временем Лин Кастер предстоит столкнуться с последствиями самого рискованного поступка в ее жизни. Чтобы спасти умирающего друга, Лин ложно заявила, что она – Возрожденная Богиня, легендарная героиня, которой суждено спасти свой народ. Теперь к ней прибыл пугающий, но странно притягательный лидер ее народа, чтобы испытать ее силы. Цена провала – изгнание, и только благодаря союзу с Королем Старьевщиков она сможет продолжать пользоваться магией, которая может ее спасти. По мере того как напряжение в Кастеллане достигает апогея, Лин и Кел должны решить, кому доверять, когда любой неверный шаг означает смерть – или нечто худшее.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7 Сое)-44

ISBN 978-5-17-164148-1

© Клэр К., 2025

© Издательство АСТ, 2025

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Кассандра Клэр

Король старьевщиков

Cassandra Clare

THE RAGPICKER KING

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Baror International, Inc., Armonk, New York, USA и Nova Littera SIA.

Любое использование материалов данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Copyright © 2025 by Cassandra Clare LLC

© Ефимова Н., перевод на русский язык, 2026

© ООО «Издательство АСТ», оформление, 2026

* * *

Посвящается моей бабушке Изабель

*Ты бросишь все, к чему твои желания
Стремились нежно; эту язву нам
Всего быстрее наносит лук изгнания.
Ты будешь знать, как горестен устам
Чужой ломоть, как трудно на чужбине
Сходить и восходить по ступеням ¹.*

Данте Алигьери, Божественная комедия, «Рай», песнь 17

¹ Пер. М. Лозинского.

Пролог

Артал Гремонт, наследник чайной хартии Каstellлана, никогда особенно не любил океан. Да, разумеется, океан был источником его баснословных доходов. Быстроходные корабли доставляли из заморских стран в Каstellлан грузы чая и кофе стоимостью в миллионы крон, и владельцы этих кораблей были богаче самих Богов. В теории Артал ценил удобство морских путешествий; на практике он находил дальние плавания однообразными и очень, очень скучными.

С другой стороны, Гремонт почти все и вся находил скучным. Люди, окружавшие его, чаще всего были скучными и ограниченными. Большинство приемов и вечеров, куда его приглашали, были скучными. Быть сыном держателя хартии в Каstellлане, иметь деньги, но не обладать реальной властью тоже было скучно. А когда он попытался сделать свою жизнь интереснее, его изгнали из города под благовидным предлогом: родители якобы поручили ему руководить операциями компании в южных странах. Это было просто *невыносимо* скучно.

Однако в последнее время события приняли неожиданный оборот, и у Артал проснулся интерес к жизни. Трагически погиб отец, Артал унаследовал чайную хартию, и его вызвали в Каstellлан. Ссылка окончилась. Он заплатил за место на ближайшем судне, покидавшем гавань Тапробаны, – это был один из галеонов Лорана Адена, который теперь вез в Каstellлан груз тикового дерева. На корабле имелось шесть крошечных пассажирских кают, расположенных у кормы, но окна были только в просторной каюте капитана. Помещение, выделенное Гремонту, скорее напоминало чулан со встроенной в стену койкой и столом, привинченным к полу, чтобы он не переворачивался при качке.

Скука, скука, скука. Гремонт в раздражении расхаживал по каюте. На этом треклятом корабле было нечего делать, и он чувствовал, что скоро не выдержит. Когда он находился в таком состоянии, ему чаще всего *приходилось* что-то предпринимать, чтобы снять напряжение. Это была жизненная необходимость, подобная голоду или жажде.

Увы, Лоран Аден поддерживал на корабле железную дисциплину, и ему не было дела до нужд Артал. На прошлой неделе, после того как они покинули порт Фавара, люди капитана

обнаружили молодую девицу, которую он тайком провел на корабль. По крайней мере, Артал успел немного поразвлечься, прежде чем Лорану донесли о девчонке и тот приказал немедленно убрать ее из пассажирской каюты. Они с капитаном обменялись не слишком любезными репликами, и Арталу дали понять, что, если он еще раз сотворит нечто подобное на «Черной розе», его вышвырнут на берег в ближайшем порту, будь он хоть сто раз владельцем хартии.

Он не знал, что случилось с девчонкой, да и не желал знать. Она заляпала кровью его любимую куртку, и это его разозлило. Хотя и не так сильно, как сейчас злила необходимость сидеть в тесной каюте.

Лоран запретил ему шляться по кораблю, но к дьяволу Лорана! Гремонт рванул на себя дверь и вышел в узкий коридор, тянущийся вдоль корпуса судна. Снял с гвоздя закрытый стеклянный фонарь. Надо идти с целеустремленным видом, сказал он себе, направляясь к лестнице, которая вела на верхнюю палубу. Если идешь быстро и уверенно, люди думают, что у тебя есть какое-то важное дело.

Он прошел мимо камбуза. Кок дремал на стуле, уронив нож, рядом стояло деревянное ведро с начищенной картошкой. Слава Богам, до Кастеллана оставалось всего несколько дней. Гремонту осточертела солонина, вареная картошка и сало.

На верхней палубе было свежо, дул приятный ветерок. Луна висела низко над горизонтом, на волнах подрагивала серебристая дорожка. Аккуратно свернутые канаты напоминали спящих змей.

Другой человек на его месте залюбовался бы видом: звезды мерцали, как бриллианты на черном бархате, морская гладь походила на лист рельефного стекла. Гремонт лишь бросил на воду злобный взгляд. Море было преградой между ним и Кастелланом, море отделяло его от всего, что он потерял, отправляясь в изгнание.

Скрип настила заставил его вздрогнуть; Артал понял, что не один. Он резко обернулся, но ничего не увидел; а в следующий миг из непроницаемой тьмы, словно призрак, выступила черная фигура. (Когда он впервые увидел этот фокус, то чуть в обморок не грохнулся от неожиданности; сейчас Артал уже более или менее привык к ее магическим штучкам.) Она была одета в костюм наемного убийцы: все тело, включая лицо, было скрыто гладкой темной тканью. Гремонта это нервировало, несмотря на то что он видел ее без маски и прекрасно знал, как она выглядит.

– Я пришла, чтобы поздравить тебя со свадьбой, Артал, – заговорила она. У нее был низкий, хрипловатый голос. Если бы он не знал, что перед ним женщина, то, скорее всего, принял бы ее за мужчину.

– Думаю, нет смысла спрашивать вас о том, как вы попали сюда с континента, – кисло ответил Артал. – На спине летучей мыши, а?

Она хмыкнула.

– Ты меня забавляешь. Откуда такое уныние? Разве так ведет себя мужчина, которому вскоре предстоит вступить в очень выгодный брак?

Он презрительно фыркнул.

– Антонетта Аллейн – это, по-вашему, «очень выгодная партия»? Вы же знаете, что я рассчитывал на большее.

– Я помню, что ты рассчитывал взять в жены Анжелику, принцессу Кутани. Но ее семья никогда не дала бы согласие; она принадлежит к королевскому дому, а отпрыски царствующих семей могут вступать в брак только с равными себе.

– Ну конечно, кому же знать об этом, как не вам.

Она фыркнула и без видимых усилий вскочила на перила. Она легко балансировала на узкой деревянной планке, а Гремонта замутило при одной мысли о воде, находящейся далеко внизу.

– Что-то ты мрачен, Гремонт. Надеюсь, ты не жалеешь о нашем соглашении? Не передумал?

Гремонту показалось, что кто-то провел ледяным пальцем по его спине. Он знал, что она владеет магией, хотя вырос в уверенности, что вся магия, кроме самой пустяковой, была уничтожена во время Раскола. Когда она впервые доказала ему, что он ошибался, он был потрясен до глубины души. В качестве напоминания о том дне у него остался шрам на тыльной стороне кисти – блестящий участок кожи, след от ожога, похожий на морскую звезду.

Даже теперь он боялся ее, хотя мысль об этом бесила его.

– Нет, – бросил он, – не передумал.

– Отлично. – Она смотрела на него сверху вниз – существо без глаз и без лица, черный силуэт на фоне бескрайнего ночного неба и темно-синего моря. – Надеюсь, ты не пошел в отца. Он тоже уверял нас в безграничной преданности, но в конце концов решил нас предать.

– Он всегда был слабаком, – буркнул Гремонт. Старик даже пальцем не пошевелил, чтобы избавить сына от изгнания; Гремонт этого не простил и не забыл. Мать была не лучше, но чего ждать от женщины? По крайней мере, она слепо любила его. – Вам не нужно напоминать мне о том, что вы потянули за нужные ниточки, и что только благодаря вам мне разрешили так быстро вернуться в Кастеллан. Я прекрасно знаю, кому обязан.

– Рада слышать, – произнесла она, – потому что у тебя появилась новая возможность. Шанс продемонстрировать свой ум. Твоя прекрасная невеста, Антонетта из семьи шелковой хартии, по-видимому, обладает ценной информацией. Нам нужно, чтобы к нам присоединился один человек, и она знает, как его найти.

– Антонетта? Вы серьезно? В ее пустой голове содержится какая-то информация? Вот уж не ожидал.

– Даже мышь раз в жизни может наткнуться на драгоценную крошку. Но речь не об этом. Я разрешаю тебе после свадьбы вытянуть из нее сведения. Любым способом. Используй все методы, какие сочтешь нужными.

– Правда? Любым способом? – Гремонт гадко ухмыльнулся. – Я вас не разочарую, госпожа.

– Постарайся не слишком увлекаться, Артал. Пока что Лиорада Аллейн боится нас больше, чем Аврелианов, но, если ее взгляды изменятся, это поставит под угрозу наши планы. Твой брак с Антонеттой – это еще один рычаг, которым мы можем воспользоваться, чтобы держать под контролем нашу дорогую Лиораду. Так что оставь девчонку в живых, будь так добр. Этим ты окажешь услугу мне лично.

– Разумеется, – ответил Гремонт. – Я в любом случае собирался оставить ей жизнь. Так будет намного интереснее. Моя собственная игрушка. Посмотрим, как она выглядит без своих шелковых платьев.

Темная фигура усмехнулась.

– Как приятно видеть тебя счастливым, Артал. Но не забывай: на Горе есть немало людей, которые желают нашего падения. Многие еще преданы Дому Аврелианов. Всегда носи при себе амулет. Он намного могущественнее, чем ты думаешь.

– Конечно. – Артал поднял руку и прикоснулся к подвеске, которую она дала ему в Тапробане, задолго до того, как он сел на корабль. – Было бы глупо с моей стороны отказаться от защиты. А если бы я был глупцом, вы не обратились бы ко мне с предложением о сотрудничестве.

Она ничего не ответила. Артала задело ее молчание; он в недоумении поднял голову и увидел, что женщина исчезла. Он бросился к борту и перегнулся через перила, но внизу не было ничего, кроме темной воды. Серебристая дорожка, оставленная луной, вела в Кастеллан.

Глава 1

Кел и Конор на Сеновале практиковались в искусстве владеть мечом.

Они уже давно не упражнялись – не было времени, поэтому оба действовали довольно неловко. Но постепенно дело пошло лучше. Джоливет часто говорил, что у тела существует мышечная память. Когда Кел явился на Сеновал, он еще не совсем проснулся, мышцы болели, руки и ноги едва слушались. Но сейчас, после часа тренировки в помещении, где они учились сражаться с детства, он пришел в себя; тело снова стало гибким, движения были стремительными и ловкими.

Плоская сторона его учебного меча со звоном ударилась о меч Конора. Кел наступал, пользуясь преимуществом, но на этот раз Конор прыгнул в сторону и вскочил на один из тюков сена, разбросанных по чердаку и служивших препятствиями. Потом поднял левую руку – это был сигнал перерыва.

Кел опустил оружие и расправил плечи.

Конор провел рукой по взмокшим от пота темным волосам и нахмурился.

– Нам нужно почаще тренироваться, – заметил он. – Я едва помню, как держать меч. Слишком много вечеров провел за письменным столом, никакой физической активности, если не считать царапанья пером по бумаге. За последние месяцы я совсем потерял форму и превратился в пудинг, Келлиан.

– Насчет *пудинга* я бы поспорил, – возразил Кел.

Конор был подтянутым и сильным, как всегда. Несмотря на занятость, он плавал и почти каждый день выезжал на своей лошади, Асти. Кроме того, разве королева еще вчера или позавчера не сокрушалась насчет того, как сильно он исхудал? Если у него и были проблемы со здоровьем, то скорее из-за бессонницы и работы до поздней ночи.

Но Кел не собирался затрагивать этот вопрос. Конор выслушивал от Кела вещи, которых не потерпел бы ни от кого другого, но резкая перемена, происшедшая с принцем три месяца назад – его странное новое увлечение государственными делами, – не подлежала обсуждению даже для его Ловца Мечей. Кел догадывался, что принц не желал обсуждать это потому, что

работа служила для него чем-то вроде наказания или искупления грехов, но это была всего лишь догадка. Да, ему оставалось только гадать. Конор отказывался говорить о своих чувствах, а Кел не настаивал.

– Разумеется, мы можем тренироваться чаще, если хочешь, – ответил он. – Присоединяйся к нам с Джоливетом. Я готов помочь тебе в любом предприятии, которое поможет тебе избежать превращения в пудинг.

Он поднял меч, давая понять, что перерыв окончен. Конор рассмеялся, спрыгнул с тюка сена, одновременно вращаясь, и нанес горизонтальный удар. Кел ответил выпадом сверху вниз, и клинки встретились с оглушительным звоном. Кел отскочил назад, на безопасное расстояние, но Конор не отставал.

Они практиковались в фехтовании так давно, что уже наизусть знали приемы друг друга: Конор был слишком безрассуден, Кел – слишком осторожен. Во время боя они чувствовали себя свободно и могли беззаботно болтать, одновременно атакуя и парируя удары, бросаясь на противника и делая ложные выпады.

– Как ты, готов? – спросил Кел. – Это будет первое совещание в Палате Солнечных Часов после... э-э, за последние три с лишним месяца.

Он едва успел сдержаться, чтобы не ляпнуть «после резни в Сияющей галерее». Несмотря на то что Конор не уклонялся от разговоров о нападении на Дворец и убийстве маленькой принцессы из Сарта, он не любил вспоминать о том дне. Ему до сих пор снились кошмары, и он просыпался с криками; Кел, который спал в одной комнате с принцем, потом долго лежал без сна, напряженно прислушиваясь к дыханию Конора. Только после того как принц засыпал, он мог закрыть глаза.

Защита, ответный удар. Конор проворно пригнулся, отпрыгнул. Его лицо оставалось непроницаемым.

– Кучка трусов, – бросил он. Он имел в виду владельцев хартий, одиннадцать самых влиятельных семей Каstellана. – Половина из них, по-моему, уверены, что их всех перебьют в тот момент, когда они переступят порог Маривента.

Кел мог бы возразить на это, что страхи аристократов отнюдь не беспочвенны: в последний раз, когда они собрались в Маривенте на пир, их действительно едва не перебили.

– Разумеется, никто не признается в том, что это и есть главная проблема. Они постоянно находят себе оправдания: дела, загадочные болезни. Но Майеш распустил слухи о том, что я намерен сделать важное объявление, так что на этот раз любопытство вынудит их прийти.

Несмотря на мрачные настроения на Горе, Конор твердо решил, что ежемесячные собрания в Палате Солнечных Часов должны возобновиться как можно скорее. Он лично посетил всех глав семейств и напомнил им о том, что они не могут вечно прятаться по домам, как крысы в норах, а, напротив, должны вести себя решительно и выступить единым фронтом. В стране всегда действовали шпионы, которые, естественно, активизировались сейчас, когда правительство Сарта давило на Каstellан, словно пресс для винограда. Принц прозрачно намекнул: если шпионы доложат своим хозяевам, что правящий класс Каstellана до смерти напуган, в итоге всем будет только хуже.

– Да, твое объявление прозвучит как гром среди ясного неба, – заметил Кел.

Конор попытался нанести вертикальный удар; Кел парировал его выпад из четвертой позиции. Принц бросил на Ловца Мечей пронизывающий взгляд.

– Ты обеспокоен. Считаешь, я поступаю неправильно?

– Нет, – ответил Кел. – Но аристократы могут со мной не согласиться. В последний раз, когда ты сообщил, что женишься с целью решить проблемы государства, это плохо кончилось.

«Плохо» – это было еще слабо сказано. «Плохо» – это массовое убийство в Сияющей галерее, причина ночных кошмаров Конора. И причина, по которой Кел не только воздерживался

вался от вопросов, но и вынужден был хранить собственные секреты. У него теперь имелось гораздо больше секретов, чем ему хотелось бы.

– Знаешь, это не только мое решение. Я принял его, посоветовавшись с Джоливетом и Майешем. И с матерью. Что касается отца... увы, придется им поверить мне на слово.

Да уж. На следующий день после убийств в Галерее король удалился в Северную башню и с тех пор не покидал ее. Слуги приносили ему пищу; он не выходил, не показывался, не разговаривал, не реагировал, когда к нему обращались. Майеш говорил, что это шоковое состояние – он называл болезнь короля «кататонией», – и уверял, что, подобно любой другой болезни, со временем оно пройдет.

И все же правду о состоянии короля тщательно скрывали. Кроме Кела, только Конору, Майешу, Джоливету и королеве было известно о том, что он не говорит, что «указы короля», исходящие якобы из Северной башни, на самом деле были указами Конора и что принц составлял их с помощью советников.

– Да, – кивнул Кел. – По-моему, обидно. Тебе все это время удавалось избежать войны с Сартом только благодаря своим дипломатическим способностям и стараниям. – *Работа до рассвета, искусно составленные послания, извинения, не содержавшие признания вины, уступки без капитуляции.* – Но никто не узнает о том, что это твоя заслуга. По крайней мере, Семьи Хартий не узнают.

– Возможно, – пожал плечами Конор. – Но я прекрасно знаю, что такое шантаж. – Его улыбка была грозной, как блеск клинка. – Сарту плевать на смерть принцессы. Они рады, что получили предлог, позволяющий предъявлять нам требования. А как только ты попадешься на крючок шантажисту, ты пропал. Он не оставит тебя в покое, он будет приходить снова и снова, будет требовать больше, и неважно, сколько ты заплатишь. Сарт не возьмет и не исчезнет в один прекрасный день, как это сделал Проспер Бек.

Проспер Бек. Иногда Келу трудно было поверить в то, что преступник, с которым он когда-то заключил сделку, чтобы спасти жизнь и рассудок принца, просто покинул Кастеллан. Именно появление Бека привело Кела в темный мир Короля Старьевщиков: Бек вздумал соперничать с Андрейеном, и Король Старьевщиков поручил Келу выяснить, кто именно на Горе финансирует разнообразные криминальные предприятия Бека. Кел тогда решил, что Бек – это более жестокая и опасная версия Короля Старьевщиков, преступник, не связанный кодексом чести, в отличие от Андрейена. Темная лошадка, непредсказуемый человек, способный на все.

Конор продолжал говорить о Сарте; Кел заставил себя забыть о Беке и сосредоточился на словах принца.

– Единственный способ сдержать Сарт – это продемонстрировать силу, дать им понять, что связываться с нами не стоит. Когда я заключу этот брак, страна получит деньги и военные корабли; после этого шантажировать нас станет слишком опасно. – В его серых глазах вспыхнули странные огоньки. – Кстати, о браке. Скоро приедет Артал Гремонт. Нам всем придется готовиться к нескончаемой демонстрации триумфа. Леди Аллейн превратит помолвку дочери и свадебные торжества в настоящий спектакль.

Кел на долю секунды помедлил и не успел отразить колющий выпад Конора; Конор постучал по его куртке острием учебного меча, защищенным специальной накладкой, словно говоря: «Будь внимательнее».

Кел деревянным голосом произнес:

– Ты прав, это будет ее триумфом. Наконец она достигнет того, к чему стремилась: выгодно выдаст Антонетту замуж. Интересно, на что леди направит свою энергию после того, как высохнут чернила на свидетельстве о браке.

– Думаю, сделает все возможное, чтобы захватить руководство чайной хартией Гремонта, ведь ей мало своей собственной, – усмехнулся Конор. – Придется мне внимательнее следить за этими двумя. Такие огромные богатства и власть, сосредоточенные в руках одной семьи... нет,

это не к добру. Но, по крайней мере, Антонетта – девушка не амбициозная, – добавил он, – хотя мамаша наверняка начнет ее подстрекать.

Не амбициозная. Именно так все думали об Антонетте; и только Кел знал, что все ошибаются. Он помнил, как она сказала ему о том, что хочет контролировать шелковую хартию. В другой раз она заметила, что ее мать считает неприемлемым передать управление предприятием незамужней женщине, однако после свадьбы она сможет самостоятельно вести дела и распоряжаться состоянием до совершеннолетия наследников. Итак, Антонетта готова была связать свою жизнь с таким неприятным, грубым, порочным человеком, как Гремонт, ради того, чтобы получить контроль над самой ценной хартией Каstellана. Это многое говорило о ее амбициях.

– С другой стороны... – пробормотал Конор, отклонил меч Кела, сделал движение клинком сверху вниз и коснулся плеча противника; Кел застыл, признавая победу принца. – Я часто думаю о фразе, которую сказал старик Гремонт перед смертью. Никому нельзя полностью доверять.

Кел на мгновение прикрыл глаза, вспоминая слова старого аристократа. Он, Кел, был рядом, когда умирал Гремонт, он был единственным, кто провожал несчастного в последний путь через серую дверь, а Гремонт его даже не узнал. Думал, что говорит с Конором.

«Никому не верьте, – сказал он. – Ни матери, ни советнику, ни друзьям. Никому на Горе нельзя доверять. Доверяйте только собственным глазам и ушам, иначе Серый Змей придет и за вами».

Эти слова предназначались для Конора. Кел пересказал принцу краткий разговор с умирающим в один из ужасных дней после нападения, когда Конор не спал ночами и до утра расхаживал по их спальне. Когда Кел повторил слова Гремонта, на губах Конора промелькнула призрачная улыбка.

«Да, ценный совет, – сказал он тогда, – но в нем не было необходимости. Я и без того никому не доверяю – кроме тебя, разумеется, но ведь ты же и есть мои глаза и уши, разве нет? Ты мне не советник, не друг, ты мне даже не брат. Ты, скорее, мое второе „я“. И сейчас ты нужен мне больше, чем когда-либо прежде. Не только для того, чтобы меня охранять, но и для того, чтобы смотреть и слушать. И рассказывать мне об увиденном и услышанном».

Кел промолчал в ту ночь. Он не мог сказать Конору, что и он, Кел, тоже лжет – пусть даже это делалось ради блага принца. Тогда не мог. Не мог и сейчас. Он молчал и скрывался, повторяя себе, что этим помогает Конору. Что однажды Конор узнает правду и простит ему предательство.

– О, как хорошо, что вы пришли, – воскликнула Антонетта Аллейн, с трудом выбираясь из-под огромной горы подушек, наваленных в изголовье ее позолоченной резной кровати. – Кто-нибудь, кроме Магали, видел вас около дома?

Лин Кастер покачала головой. На крыльце у нее действительно произошла небольшая стычка с Магали, горничной Антонетты; Магали была решительно настроена извлечь Лин от верхней одежды и медицинской сумки, а Лин отказывалась расставаться и с тем, и с другим. Безмолвная борьба происходила под настороженными взглядами двух дюжин покойных Аллейнов, смотревших на женщин с портретов.

Лин до сих пор не привыкла к обстановке дворца Аллейнов. Он был не таким величественным и пустынным, как жилище Ровержей; напротив, он был *забит* самыми разными вещами: пейзажами в роскошных рамах, массивными серебряными вазами из нескольких ярусов с пышными букетами шелковых цветов, позолоченными часами, мраморными бюстами древних поэтов и драматургов. Все предметы мебели, которые можно было покрыть позолотой, были позолочены, а все остальное было отделано белым кружевом, напоминавшим фату невесты.

Горничная в конце концов сдалась, оставила в покое имущество Лин и провела ее по позолоченной лестнице в длинный коридор, устланный шелковым ковром ручной работы. Вдоль лестницы были развешаны зеркала в серебряных рамах, и Лин мельком взглянула на свое отражение: рыжие волосы, заплетенные в тугие косы, серое ашкарское платье без отделки, потерявшая кожаная сумка на плече. Без сомнения, она была самой простой и неприметной вещью в этом доме.

Лин невольно вспомнила тот первый раз, когда Антонетта вызвала ее к себе. Она удивилась, получив письмо с просьбой прийти, поскольку семья Аллейн была одной из богатейших в стране, но Антонетта была тверда. Она желала, чтобы Лин посещала ее каждую неделю, *обязательно* в один и тот же день и час, причем эти визиты следовало хранить в строжайшей тайне. Антонетта не сказала, почему назначила именно это время, но Лин из разговоров с Келом в Черном особняке поняла, что леди Аллейн еженедельно играет в карты с другими знатными дамами Горы, а это означало, что матери Антонетты, скорее всего, не будет дома.

Во время их первой встречи Антонетта Аллейн понравилась Лин, что было неудивительно, поскольку Антонетта сумела незаметно провести ее в Маривент, несмотря на многочисленную охрану, – и со временем Лин поняла, что эта девушка нравится ей все больше.

Антонетта была доброй, хоть и немного легкомысленной. Лин про себя сравнивала ее с кроликом, случайно попавшим в стаю шакалов, обитавших на Горе. Оказалось, что она практически не нуждается в медицинской помощи. Обычно они проводили вместе несколько часов, болтали и пили какой-нибудь целебный чай. Лин считала, что Антонетта платит ей за компанию, а вовсе не за услуги врача.

Она нашла Антонетту среди моря тканей: шелковые и атласные платья всех цветов радуги вываливались из шкафов, висели на вешалках и даже на оконных карнизах. Все поверхности были завалены меню, приглашениями, списками покупок и дел. Сама Антонетта устроилась среди груды шелковых подушек, создававших нечто вроде барьера между ее спиной и резным изголовьем кровати, которое представляло собой красивую, но весьма неудобную в качестве спинки для сидения позолоченную розу.

Пожалуй, комната Антонетты была наименее роскошной во всем доме. Стены были выкрашены в бледно-розовый цвет, напоминавший внутренность морской раковины. Конечно, здесь были и вазы с каскадами шелковых цветов, и диваны с подлокотниками в форме свитков, обитые тканями с изображением пасторальных сцен, пастушек и ферм. Но шелковых цветов было *меньше*, чем в вестибюле, и Лин не заметила ни одного мраморного бюста.

Антонетта отпустила горничную короткой фразой – «Оставь нас, Магали» – и жестом велела Лин запереть дверь изнутри, прежде чем приблизиться к кровати. Волосы Антонетты были распущены; золотые кудри были почти одного цвета с шелковым постельным бельем. Она была одета в светло-голубой халат с кружевами и смотрела на Лин с унылым выражением на лице.

– У вас есть что-нибудь от головной боли, вызванной напряженным планированием помолвки, которой невеста предпочла бы избежать? – спросила она.

Лин присела в ногах кровати и начала рыться в сумке в поисках экстракта ивовой коры. Она невольно улыбнулась, прочитав заголовок книги в кожаной обложке, которая лежала раскрытой на покрывале. «Холодное сердце одинокого короля».

– Праздник состоится на следующей неделе, все по-прежнему? – сочувственно спросила Лин. – Да, мне кажется, все действительно происходит слишком быстро. А он ведь еще не приехал в Кастеллан, верно?

– Его корабль прибудет в порт через пять дней, – без энтузиазма ответила Антонетта. Потом с надеждой взглянула на Лин. – Может быть, меня свалит какой-нибудь неизвестный науке тяжкий недуг, который помешает мне встретиться с женихом? По крайней мере, в течение месяца или двух.

Лин протянула Антонетте пакетик с лекарством.

– Таким образом вы лишь оттянете помолвку и свадьбу, – возразила она. – Мне хотелось бы...

Она не закончила фразу. Она уже знала, что человек, с которым собиралась обручиться Антонетта, Артал Гремонт, был не только значительно старше ее, но и имел плохую репутацию. Кел намекал на некий поступок, настолько отвратительный, что семья Гремонта была вынуждена отослать его за море. Знатным людям Каstellана сходили с рук всяческие проступки и даже преступления; видимо, Гремонт действительно совершил нечто из ряда вон выходящее.

Лин беспокоило также равнодушие Антонетты ко всей этой ситуации. Брак устроила ее мать; Антонетта не имела права голоса в этом вопросе и настаивала на том, что она ничего не может сделать и не в силах переубедить леди Аллейн. Лин знала, что сама Антонетта хочет лишь одного: оставаться незамужней и управлять шелковой хартией. Но Лиорада Аллейн, по-видимому, не доверяла дочери: она сказала девушке, что если та не согласится выйти замуж и продолжить род Аллейнов, то она, леди Аллейн, оставит хартию, все богатства и власть, связанные с ней, какому-нибудь дальнему родственнику, а родную дочь лишит наследства. И теперь Антонетте оставалось надеяться лишь на то, что Гремонту не больше невесты хочется вступать в брак, что он оставит ее в покое и позволит ей вести жизнь богатой дамы с Горы.

– Думаю, у него есть любовница или он вскоре ее заведет, – произнесла Антонетта. – Если он будет очень к ней привязан, то быстро перестанет обращать на меня внимание. – Она взглянула на Лин. – Как вы думаете, это возможно?

– К сожалению, не имея опыта супружеской жизни, я ничего не могу посоветовать вам насчет того, как убедить мужа завести любовницу, – ответила Лин, лукаво усмехаясь. – Возьмите это и положите под язык.

– Вы *очень* требовательны, – сказала Антонетта. – По крайней мере, после свадьбы я по-прежнему буду с вами видеться. Не могу представить себе мужа, который не позволил бы жене время от времени вызывать домой врача.

– Вы ошибаетесь, такие мужья существуют. Мужья, которые дурно обращаются со своими женами, – осторожно произнесла Лин. Ей приходилось лечить немало женщин, которые упорно утверждали, что получили травмы исключительно из-за собственной неуклюжести, хотя прекрасно понимали, что Лин все знает.

Антонетта презрительно фыркнула.

– Гремонт пальцем меня не тронет, если хочет остаться в Каstellане, – заявила она. – Насилие по отношению к благородной женщине карается изгнанием, даже если виновный – ее муж.

«Жаль, что этот закон не распространяется на простых жительниц Каstellана», – подумала Лин, но потом упрекнула себя. Пусть хоть часть женщин будет защищена, это лучше, чем ничего.

Лин решила, что пора сменить тему, и указала на раскрытую книгу, которая лежала на кровати обложкой вверх.

– Хорошая книга? – спросила она. – Напоминает название повести сказочника.

– Это о принце Коноре, – ответила Антонетта, улыбаясь уголком губ. – Вы же знаете, в большинстве историй сказочников говорится именно о нем.

Лин почувствовала, что краснеет. Она всегда краснела при упоминании о наследном принце Каstellана; это причиняло ей массу неудобств. Она опустила голову и начала бесцельно копаться в сумке.

– Но не во всех, я уверена.

– Именно во всех, – возразила Антонетта. – «Семь скелетов семи невест принца», «Принц с ледяным сердцем в золотой короне», «Принц в шелках и дама в лохмотьях» и еще «Жестокое законы испорченного принца»...

– По-моему, слишком длинные названия, – заметила Лин.

Антонетта пожала плечами.

– Всем нравятся принцы, особенно холостые. – Она принялась пристально рассматривать свои ногти. – Хотя ему недолго осталось быть холостяком, свобода скоро закончится.

Услышав это, Лин вздрогнула и подняла голову.

– Что вы имеете в виду?

– Скоро состоится помолвка Конора, – пояснила Антонетта, внимательно наблюдая за выражением лица Лин. – Все уже организовано. Он женится на Анжелике из Кутани.

Лин больше ничего не слышала из-за шума в ушах. Она вдруг вспомнила последний раз, когда она видела принца – в его карете, за воротами Солта. Вспомнила его последние слова, обращенные к ней.

«Тогда я проклят. Я проклят и вечно буду думать только о тебе. О женищине, которая считает меня презренным мерзавцем. Тицеславным мальчишкой, которому обязательно надо красоваться перед другими. О женищине, пострадавшей из-за этого тицеславия».

У нее не было возможности обдумать эти слова. И не было возможности сказать ему, что она не считает его «презренным мерзавцем». Через несколько часов после их расставания произошло *это* – резня. Кровавое пролитие в Сияющей галерее. «Великое Предательство». Нападение на Маривент получило множество имен. Оно случилось в ту ночь, когда Лин объявила себя Возрожденной Богиней, а корабли Дома Ровержей сгорели в гавани Каstellлана. Проснувшись на следующее утро, она увидела черные флаги на стенах Маривента, услышала погребальный колокольный звон, доносившийся из города, и подумала, что все это как-то связано с *ней* – с ее преступлением, с ее ужасной ложью.

«Я Возрожденная Богиня».

Но, разумеется, все было совсем не так. Майеш пришел к ней домой. Он выглядел ужасно, глаза провалились, лицо осунулось, и ей показалось, что он за одну ночь постарел на десять лет. Глядя на нее в упор, он произнес слабым, охрипшим голосом: «Бойня во Дворце. А теперь еще и это». У него не было сил даже гневаться на нее, так он устал.

Она заварила ему *карак*, чай с пряностями, и заставила рассказать обо всем, что произошло на Горе: о нападении, о смерти маленькой принцессы из Сарта, о том, что теперь будет с отношениями между Сартон и Каstellланом... И все это время она из последних сил сдерживалась, чтобы не выпалить: «Что с ним? ОН НЕ РАНЕН? У принца все хорошо?»

Она не имела права спрашивать об этом. Не имела права беспокоиться и о Келе, хотя судьба Ловца Мечей тревожила ее. Она спрятала руки под столом, чтобы дед не заметил, как они дрожат.

«Мы не можем позволить себе войну, – сказал он, и она поняла, что он говорит не о Каstellлане, а об их народе, об ашкарах. – Если на Каstellлан нападёт другое государство, люди испытают потребность очистить страну изнутри. Они начнут спрашивать себя: а кто они такие, эти ашкары, которые живут среди нас, но не являются частью нашей нации? Может быть, им безразлична судьба Каstellлана? Может быть, они готовы предать нас?»

«Никто не обвинит нас в предательстве. Ты столько сделал для них, *зай*. Благодаря тебе они многое приобрели, даже за последние двадцать лет...»

Он посмотрел ей в глаза. Его взгляд был жестким.

«Ты говоришь сейчас как моя внучка Лин или как Возрожденная Богиня?»

У Лин пересохло в горле, и она с трудом сглотнула.

«Я могу все объяснить...»

«Не надо, – перебил он. – Я не понимаю, чего ты надеешься этим добиться, но молчи. Лучше, если я ничего не буду знать».

И в тот момент ей все стало ясно. Возможно, ее дед и махарам терпеть друг друга не могли, но в одном они были согласны: Лин Кастер не являлась Возрожденной Богиней, и ее ложь могла принести им всем только неприятности.

– Лин, – взволнованно произнесла Антонетта, – *о чем* вы думаете? – Она подалась вперед. – Неужели новость насчет Конора... неприятна вам?

– У меня однажды был пациент, которому воткнули шило в глаз, – ответила Лин. – Так что мало найдется вещей, которые мне неприятны.

– Очень хорошо, потому что у меня к вам есть просьба. И, возможно, вам не понравится то, о чем я попрошу.

– Не понравится? В каком смысле?

– Я хотела бы, чтобы вы пришли на праздник в честь моей помолвки...

– О нет, – воскликнула Лин и даже отпрянула. – Больше никаких праздников на Горе. Последний...

– Я слышала, вы очень хорошо танцуете, – продолжала Антонетта.

Лин внимательно посмотрела на нее, но широко раскрытые глаза аристократки выражали только неподдельное волнение.

– Мне нужен рядом человек, который сочувствует мне, Лин. Человек, который на моей стороне.

– А как же Келлиан? – спросила Лин. – Разве он не будет присутствовать?

Пришла очередь Антонетты отвести взгляд.

– Ну... да, но он будет в свите принца. Конор любит, когда друзья сопровождают его на приемах.

«*Ну разумеется*», – опомнилась Лин. Конор будет на этом празднике. При мысли о том, что она увидит его, ей захотелось бежать и спрятаться, но новый, властный внутренний голос прошептал: «Иди. Иди туда и встретись с ним лицом к лицу. Вскоре ты предстанешь перед эксилархом и Санхедрином. И в тот момент тебе нельзя будет думать о принце Кастеллана. Так что посмотри на него в последний раз и забудь о нем навсегда».

– Прошу вас, – говорила Антонетта. – Я одолжу вам одно из своих платьев. Любое, какое захотите. Вы будете неотразимы.

«Тебе будет проще расстаться с принцем навсегда, если в качестве доспехов на тебе будет роскошное платье», – сказала себе Лин.

– О, что ж, хорошо, если вы действительно нуждаетесь во мне, Ана, – произнесла она и натянуто улыбнулась. – Конечно, я приду.

«ВСЕ ХОРОШЕЕ ИСХОДИТ ОТ БОГОВ. ВСЕ ДУРНОЕ ИСХОДИТ ОТ ЛЮДЕЙ».

Взгляд Кела против его воли то и дело возвращался к словам, выложенным золотой мозаикой на куполе Палаты Солнечных Часов. Три месяца назад, когда главы Великих хартий Кастеллана в последний раз встречались здесь, он смотрел на сверкающие буквы равнодушно, но сегодня это изречение казалось ему зловещим.

Он сам толком не знал почему. В конце концов, объявление Конора было принято лучше, чем ожидал Кел. Конечно, услышав новость о помолвке, люди запротестовали. Кел уловил обрывки возмущенных фраз, возражения – *вообще-то мы очутились в таком положении именно потому, что ему вздумалось жениться*, – жалобы и недовольство тем, что принц ни с кем не посоветовался. Конор терпеливо ждал, пока стихнет шум. Было видно, что равнодушное выражение лица дается ему с трудом; оно было непривычным, как новый сюртук.

Когда аристократы замолчали, он произнес:

«Нашему новому союзнику известно о ситуации с Сартом. Нам пообещали приданое в размере ста тысяч крон и возможность пользоваться их флотом в случае войны. У них имеется десять тысяч военных кораблей. У Сарта нет ни одного; им придется просить, брать напрокат

или похищать суда, и если они решатся на это, то, подойдя к нашей гавани, увидят десятки кораблей, готовых разнести их в щепки».

Его глаза превратились в серебряные щелочки, и Кел подумал о том, сколько времени и сил было потрачено на подготовку к этому моменту. Бессонные ночи, размышления о том, правильно ли он поступает. Совещания с Майешем, долгие часы, проведенные в Северной башне с советником и легатом над картами, бесконечными картами, утыканными булавками. Каждая булавка была подразделением армии. И на каждую булавку, означавшую отряд солдат Кастеллана, приходилось в десять раз больше булавок, означавших отряды армии Сарта.

В конце концов всем стало ясно, что у принца просто нет выбора.

Первым заговорил Казалет. Вполне естественно, подумал Кел; остальные главы семейств почти всегда соглашались с его мнением.

«Решение, достойное восхищения, монсеньер, – произнес он, – и, очевидно, принятое ради блага Кастеллана».

Если кто-то и собирался спорить с принцем, то после этих слов все недовольные прикусили языки. На лице Киприана Каброля было написано удовлетворение.

«Блестяще, – поддакнул он. – Сарт не выстоит под натиском объединенных сил. Они вообще не осмелятся выступить против нас».

Даже леди Аллейн не возражала. В конце концов, Антонетта была обручена, и Лиорада не могла больше надеяться выдать ее за Конора. Она рассталась с мечтой породниться с королевской семьей и смирилась с тем, что ее дочь будет просто очень, очень богатой.

Кел в глубине души надеялся увидеть Антонетту на совещании, но она не пришла. Он редко встречался с ней после того, как узнал о ее помолвке – об этом было объявлено всего через неделю после убийств в Сияющей галерее. Она больше не появлялась во Дворце, а когда Кел увидел ее однажды вечером в особняке Кабролей, она лишь улыбнулась неестественно радостной улыбкой и сообщила, что подготовка к свадьбе отнимает уйму времени. Она не думала, что на нее свалится столько хлопот, и, как он считает, ничего страшного не будет, если алтарь украсят розовыми розами? На языке цветов Кастеллана они означают непостоянство, но розовые розы – ее любимые...

Он не знал, как ему удалось уйти от нее, не сказав ничего такого, о чем он мог пожалеть впоследствии. Он все еще помнил, как несколько месяцев назад она умоляла его сделать что-нибудь, помешать этому браку – но в тот момент на нем был талисман. Антонетта приняла его за Конора. С ее точки зрения, Кел не мог знать о том, что сначала она была против брака с Гремонтон. Он не мог упомянуть об этом, не изменив своей клятве Ловца Мечей.

Внезапно ему ужасно захотелось бежать из Палаты Солнечных Часов, выйти на свежий воздух. Заседание окончилось, и аристократы обступили Конора. За спинами людей, пытавшихся привлечь внимание принца, Кел видел только яркое алое пятно, его бархатный плащ, и мерцающий рубин в короне.

Какое-то движение у двери привлекло его внимание. Легат Джоливет, командир Эскадрона стрел. Келу казалось, что после событий в Сияющей галерее в его волосах прибавилось седины, черты лица стали более угловатыми, орлиный нос заострился. Он мало говорил во время заседания, хотя постоянно был рядом с принцем все эти месяцы, давал ему советы и был подробно осведомлен обо всех его действиях. В ужасные дни, которые последовали за жестоким убийством сартской принцессы, ее телохранителя и двух послов, Маривент, затаив дыхание, ждал известий из Сарта. Именно Джоливет предложил продемонстрировать честность и открытость и немедленно отправить сообщение в Сарт с описанием происшедшего – с правдивым описанием, подчеркнул он; он напомнил о том, что убийства скоро будут обсуждать вся страна, рассказы дойдут до Аквилы, и король без труда уличит Аврелианов во лжи. Они солгали лишь в одном: дали понять, что письмо было собственноручно написано королем Кастеллана. Письмо написал Конор и подписался именем отца.

Ответ из Аквилы был коротким и холодным. Король Леандро д'Эон писал, что Сарт отдал свою принцессу королевской семье Каstellлана со всеми положенными формальностями. Луиза погибла на территории Маривента, и в этом был виноват Каstellлан. Чтобы избежать войны, Аврелианы должны были уплатить выкуп за убийство.

Король Сарта требовал миллион крон. Даже Майеш изменился в лице, услышав эту цифру. «Он издевается! – воскликнул советник. – Даже если вы продадите весь Каstellлан, вы не выручите такой суммы. Ни одна страна, за исключением, может быть, Кутани, не в состоянии отдать столько золота и выжить».

«Д'Эон просто дает нам понять, что хочет войны, – устало произнес Конор. – Он предлагает нам выход, но это не настоящее предложение».

«И не настоящий выход, – добавил Джоливет. Он обвел взглядом присутствующих. Его лицо было бесстрастным, как всегда. – Мы не будем платить. Мы найдем другой путь».

И они нашли другой путь, хотя непохоже было, что Джоливет обрадовался очевидному успеху их плана. Он кивком велел Келу следовать за собой и вышел из зала.

Кел протиснулся сквозь толпу к дверям и вышел из Звездной башни. Был жаркий, безоблачный день, солнце сияло ослепительно. Над городом, раскинувшимся у подножия Горы, висела золотая дымка, а океан превратился в далекое зеленое пятно.

Он нашел Джоливета в тени стены, окружавшей Сад Королевы. Лицо старого солдата было похоже на маску. Он был одет в красную с золотом форму, на пальце сверкала печатка со львом. Когда Кел приблизился, Джоливет вполголоса произнес:

– Насколько я понимаю, ты перескажешь в Особняке все, что услышал на совещании.

– Не вижу причин скрывать новость, – заметил Кел. – Скоро о помолвке будет говорить весь город, Король Старьевщиков так или иначе узнает обо всем.

Джоливет пробурчал что-то неразборчивое и скрестил руки на груди.

– Итак, ни ты, ни твои друзья пока ничего не добились.

У Кела едва не вырвался язвительный ответ. Из всех обитателей Каstellлана он в последнюю очередь выбрал бы легата Джоливета в качестве поверенного своей тайны – участия в делах Черного особняка. Но у него не было выбора. Джоливет почти что приказал ему объединиться с Королем Старьевщиков, надеясь с помощью преступника узнать, кто стоял за кровопролитием в Сияющей галерее.

Кел принадлежал Дворцу; он был собственностью Дворца. Если Джоливет отдавал ему приказ, он не мог отказаться его выполнять – это было равносильно бунту. Он, конечно, мог бы пойти к Конору, но в глубине души был согласен с легатом. Кто бы ни организовал нападение на Галерею, его целью были не дипломаты из Сарта, а человек повыше рангом.

Кел погнался за одним из наемных убийц и чуть не поймал его – или ее – на крыше здания. Он до сих пор помнил фигуру в черном, фигуру без лица, которую невозможно было узнать; он не понял даже, мужчина это или женщина. Он помнил, как застыл на краю крыши с мечом в руке и, не веря своим ушам, слушал шипение убийцы.

«Ты стоишь на пороге исторических событий, Ловец Мечей. Сегодняшний день знаменует собой начало падения Дома Аврелианов».

Конор был единственным ребенком короля, который, в свою очередь, был единственным выжившим из трех сыновей своего отца. Конец Дома Аврелианов мог наступить только со смертью Конора, а Кел дал клятву предотвратить гибель принца. Даже если для этого необходимо было выполнять приказ Джоливета, лгать принцу, хранить в тайне свое «расследование». Даже если для этого необходимо было объединиться с Королем Старьевщиков, самым известным и могущественным преступником Каstellлана.

– Мы продвигаемся вперед очень медленно, – ответил Кел. – Мы гоняемся за призраками. Никто ничего не знает о нападавших. В ту ночь погибло не менее тридцати мужчин, но в городе

тишина, никто не ищет пропавших людей, никаких слухов. А Королю Старьевщиков известны все городские слухи.

Джоливет снова заворчал про себя.

– Ничто не происходит на ровном месте, без предупреждения, – сказал он. – Предупреждение просто может быть не таким, каким ты его себе представляешь. Ты должен обращать внимание на все необычные события в городе. На все, что не укладывается в общую картину.

Он бросил взгляд в сторону дверей Башни; на пороге появились Киприан Каброль, Джосс Фальконет и Люпен Монфокон и, разговаривая о чем-то на ходу, направились по гравийной дорожке в сторону Сада Королевы.

– Каброль, – хрипло пробормотал Джоливет. – Что ты о нем думаешь?

Кел помедлил немного, прежде чем отвечать, и внимательно взглянул на приближавшихся мужчин. На фоне белых башен Маривента они напоминали экзотических птиц с ярким оперением. Монфокон был, как всегда, разряжен по последней моде, в ярко-желтые брюки и дублет; Кел мысленно сравнил его с иволгой. Джосс был в красном, как птица-кардинал, но его костюм был расшит змеями медного цвета. Рядом с ними Каброль казался неприметным, но у его темно-серой куртки была подкладка цвета оперения зимородка, и ее было видно, когда он жестикулировал и широкие рукава спадали до локтей.

– Трудно доверять ему, зная, каким образом он заполучил хартию красителей, – тихо ответил Кел.

Еще три месяца назад монополия на импорт и торговлю красителями в Каstellане принадлежала семье Роверж, наследник которой, Шарлон, был одним из близких друзей Конора, вместе с Джоссом и Люпенем. В ночь бойни в Сияющей галерее все корабли Ровержей, стоявшие на якоре в гавани Каstellана, сгорели, и семья лишилась состояния. Через несколько дней они покинули Гору, захватив с собой лишь самое необходимое; их дворец и прочее имущество были проданы, чтобы покрыть огромные долги. Сама хартия отошла короне и Совету; позднее ее передали семье, выбранной Казалетом (и одобренной королем в теории и Конором – на практике). Это была семья Кабрелей, крупных торговцев чернилами.

Семья состояла из трех человек: Киприана, старшего сына, Беатрис, его сестры, и их престарелой матери, которая редко появлялась в обществе после перемен, происшедших в их судьбе. Киприан был недурен собой, но держался надменно и, казалось, считал чем-то само собой разумеющимся тот факт, что ему передали управление одним из самых выгодных предприятий Каstellана. И, возможно, у него были на то причины. Обсудив с Лин пожар в гавани, Кел нашел Майеша в Северной башне и загнал его в угол. «Мы ведь все знаем, что это Каброль сжег корабли Ровержей, верно?»

«О да, – ответил Майеш. Когда Кел пришел, старик изучал карту Сарта. Она была утыкана разноцветными булавками, но Кел не знал, что означают цвета. – Это ни для кого не секрет, Келлиан».

«И никто ничего не предпримет?»

«У семьи Ровержей было много врагов. – Майеш передвинул булавку. – Они разоряли и заставляли покинуть страну всех, кого считали своими конкурентами; Каброли были лишь последними из жертв, но первыми, кто решился дать отпор. Если бы не высокое положение Ровержей, они уже давно сидели бы в Ловушке. Многие люди на Горе и члены торговых гильдий считают, что Бенедикт получил по заслугам. – Советник с любопытством взглянул на Кела. – А как, *по-твоему*, Хартии переходят из рук в руки?»

«Только не так, – ответил Кел. Он представил себе гавань, освещенную светом пожара, пятна красителей, расплывающиеся на поверхности, морскую пену, окрашенную в желтый, алый, бирюзовый и лиловый цвета. Еще много дней после той ночи небо над Каstellаном было затянуто дымом, и закаты в городе были красными, как кровь. Победное знамя Кабрелей. –

Возможно, сейчас они обладают властью, но люди не забудут, каким образом они пробились наверх. Рано или поздно они поплатятся».

Майеш едва заметно улыбнулся. «Проницательное замечание, Кел. Ты назвал одну из причин, по которым аристократы ради захвата хартий не взрывают чужие корабли направо и налево».

«А что, существует и другая причина?»

«Черный порох очень дорого стоит», – усмехнулся Майеш и вернулся к своей карте.

– Анджуман! – крикнул Джосс. Он улыбался своей обычной ленивой, легкомысленной улыбкой. – Я так понимаю, ты уже знал, какую великую новость собирался сообщить нам Конор, а? Неудивительно, что ты клевал носом на заседании. Никаких сюрпризов для тебя там не было.

Кел сделал себе мысленную заметку: попрактиковаться в «спокойном, но заинтересованном» выражении лица. Очевидно, оно было не вполне убедительным.

– Да, я знал. Конору нелегко было принять это решение. Он долго сомневался.

– Вполне естественно, – хмыкнул Монфокон. Желтый костюм резко контрастировал с его смуглой кожей и буквально слепил глаза. – Один раз он уже чудом избежал тяжких оков брака. А теперь по собственной воле идет обратно в тюрьму.

– Конор редко просто идет куда бы то ни было, – возразил Джосс. – Я бы сказал, что он широкими шагами спешит в тюрьму с весьма целеустремленным видом. – Он обернулся к Джоливету. – Вы не согласны со мной, легат?

Джоливет буркнул что-то себе под нос насчет необходимости проверить посты, развернулся и ушел.

Каброль смотрел ему вслед, приподняв бровь.

– Приятный собеседник, – сухо заметил он. У него была необычная внешность: темные глаза в сочетании с волосами цвета красной черепицы Кастеллана. – Я люблю компанию солдат в таверне, но легат, судя по всему, является исключением из правил.

– Солдаты могут быть приятными собеседниками и собутыльниками, когда они не на службе, – возразил Кел, удивляясь про себя. Он не знал, почему ему вдруг захотелось защитить Джоливета, но не смог промолчать. – Возможно, вы этого еще не знаете, но Джоливет всегда на службе.

Каброль уставился на Кела и снова приподнял бровь.

– Охотно верю. Нисколько не сомневаюсь в его преданности стране и королевскому дому. И в преданности Конора стране, – добавил он. – Очевидно, принц вступает в этот брак ради спасения Кастеллана. И он наверняка заслужит благодарность народа. Включая нас, обитателей Горы.

Он говорил уверенно, гладко, как настоящий придворный. Кел не доверял ему и раньше, но сейчас его неприязнь лишь усилилась.

– Благодарность. – Монфокон отмахнулся от этого слова, как будто само понятие нагоняло на него тоску. – Послушайте, Анджуман, сегодня я устраиваю в «Каравелле» небольшую пирушку. Выпивка и куртизанки за мой счет. Прихватите с собой нашего юного принца. Ему необходимо развеяться.

– Да уж, действительно, и времени на холостяцкие развлечения осталось всего ничего, – рассмеялся Джосс. – Кроме того, он себя скоро загубит этими государственными делами, он столько работает после... – Джосс смолк и прикусил губу с неловким видом, что было для него необычно. Он крайне редко испытывал неловкость. – Гм, ну, в последние несколько месяцев. Он заслуживает небольшого отдыха.

– Я передам ему ваше приглашение, Люпен, – сказал Кел. Только в этот момент он понял, что не помнит, когда Конор в последний раз посещал бордели Храмового квартала – со своими друзьями или без них.

Монфокон направил на него указательный палец, обтянутый белой перчаткой.

– Скажите ему, что это важно, – произнес он. – Я хочу его кое с кем познакомить.

Джосс, к которому вернулось всегдашнее самообладание, хлопнул Монфокон по спине.

– Монфокон без ума от своего нового партнера, – заметил он. – Но ничего о нем не рассказывает. Отказывается даже назвать его имя.

Монфокон пожал плечами, но было видно, что он очень доволен собой.

– Я же сказал тебе, он предпочитает, чтобы его называли именем, под которым он выступал на Арене. Серый Змей.

Каброль рассмеялся и сказал, что это ерунда, и вряд ли Монфокон в минуты страсти называет своего партнера Серым Змеем, но Кел не слушал. Он был слишком потрясен, чтобы говорить; он застыл как вкопанный, глядя в никуда.

Марсель

В Лабиринте, на Якорной улице, почти у самых стен Солта, стоит храм, на дверях которого вырезаны танцующие скелеты. Много лет назад культ Анибала, Бога смерти, был популярен в стране, и для его поклонников был выстроен храм. Сейчас здесь располагается Лабиринт, самый криминальный район в городе, но когда-то это была нездоровая заболоченная местность, где ютились в хижинах бедняки. За долгие годы подошвы миллионов верующих, облаченных в черное, стерли ступени храма; люди приходили сюда даже после того, как поклонение Богу смерти вышло из моды и на тех, кто приносил ему дары, стали смотреть с подозрением.

В конце концов, после того как верующие перестали приходить, иерофант, первосвященник Кастеллана, приказал повесить на двери замок и заколотить окна. Отныне храм был закрыт для горожан. Однако здание не превратилось в руины; вандалы боятся гнева Анибала.

Марсель Сандоз, профессиональный пьяница и наркоман, любитель сока из маковых головок, часто дремлет на ступенях старого храма. Суеверия горожан ему на руку: его редко тревожат здесь, даже перед рассветом. Приняв очередную дозу макового сока, он видит цветные сны: вот он гуляет по летнему лугу в окружении смеющихся девушек в ярких шелковых платьях... И внезапно он просыпается, услышав чьи-то шаги.

Он с трудом разлепляет веки, моргает, щурится, пытаясь разглядеть что-нибудь в полумраке. Возможно, ему это приснилось, а может быть, это просто шомрим перекликаются на стенах Солта. Но жестокая головная боль и холод каменных плит помогают понять, что это вовсе не сон. Это реальность, и шаги приближаются.

Он карабкается на четвереньках вверх по ступеням и прячется в портике, за покрытой щербинами мраморной колонной. Бдительные. Они вечно его гоняют, стоит ему найти укромное местечко, чтобы поспать. Но когда он видит три темные фигуры, поднимающиеся по ступеням, по спине у него бежит холодок. Эти люди одеты не в красную с желтым форму Бдительных. Нет, они все в черном, как будто их цель – исчезнуть, скрыться в ночной тьме.

Один из неизвестных – мужчина с бритой головой, которая блестит в лунном свете, – заговаривает на иностранном языке; его интонации не мягкие, как у языка Кастеллана, он жесткий, гортанный. Странно. Путешественники из Малгаси редко появляются здесь. Это королевство, расположенное к северу от Сарта, окутано тайной, о нем ходят темные слухи.

– *Cza vayuslam. Vaino sedantoanla.*

Стройная фигура, самая тонкая из троих – женщина, – отвечает холодным тоном:

– Багомер, ты забыл мой приказ? Я говорила, что тебе следует больше практиковаться в языке Кастеллана.

Бритый мужчина бормочет с сильным акцентом:

– Я просто хотел сказать, госпожа, что этот храм заброшен. Здесь нас никто не побеспокоит.

– Мрачновато здесь, согласен? – довольно отвечает она.

Марсель теперь разглядел, во что она одета: в какой-то облегающий черный костюм, тесный, как змеиная шкура. Как будто ее тело выкрашено черной краской. Волосы скрыты под капюшоном, но Марсель видит ее лицо, бледное, с выступающими скулами, как у черепов, вырезанных на фризе храма.

– Янош, – резко обращается она ко второму мужчине, лицо которого пересекает жуткий бугристый шрам. – Передай послание Арталу Гремонту. Скажи, что в его город прибыла малгасийская принцесса, наследница трона Белмани. Это должно заставить его поторопиться.

Янош кивает и растворяется в ночи, а Марсель ощущает ледяной ужас. Малгасийская принцесса? Прожив много лет в Каstellане, он твердо усвоил одно: если тебе дорога жизнь, следует держаться подальше от королевских семей и их дел. Всегда.

Как змея, он ползет на животе в дальнюю часть портика. К несчастью для него, грязная босая нога задевает пустую бутылку, которая валяется среди прочего мусора. Бутылка со звоном катится по мраморным плитам.

Марсель неуклюже поднимается на ноги; он хочет бежать, но действие наркотика еще не прошло, и ноги не слушаются. Он видит, что две фигуры, стоящие на ступенях, оборачиваются к нему. Видит, как женщина – малгасийская принцесса – недовольно морщится.

Потом ему кажется, что какая-то гигантская невидимая рука хватает его и поднимает в воздух. Он сопротивляется, но тщетно. Его швыряют на потрескавшиеся мраморные плиты, он падает на спину, чувствует острую боль. В ужасе глядя вверх, он видит над собой фигуру малгасийской принцессы; на ее лице, похожем на морду хищного зверя, появляется жестокая улыбка.

– Взгляни на это, Багомер, – говорит она. – Маленькая кастелланская мышка.

Мужчина, стоящий у нее за спиной, что-то недовольно бурчит.

– Избавьтесь от него, – говорит он. – Пока никто не увидел.

Марсель чувствует медный вкус крови во рту. Он сплевывает, пытается приподняться на локтях.

– Не убивайте меня, пожалуйста. Я сейчас уйду. Я ничего не скажу Бдительным...

– Нет, – произносит принцесса. На ее лице появляется почти мечтательное выражение. – Не скажешь.

Последнее, что Марсель видит в жизни, – это картина, которая вполне могла бы явиться ему в бреду, навеванном маковым соком. Яркие цвета, пламя, угроза. Чужестранная принцесса поднимает руку, разворачивает ее ладонью вперед, и из центра ладони вырывается струя огня, красно-золотая в центре, бронзового оттенка по краям. *Магия*, мелькает в голове у Марселя; он приоткрывает рот от изумления, потрясенный красотой этого зрелища, а секунду спустя превращается в кучку пепла.

Глава 2

– Сколько можно повторять! – воскликнул Джеррод. – Опирайся на края стоп, а не на пальцы ног. Ты «паук», ты ползаешь, а не танцуешь.

Кел повернул голову, чтобы бросить на Джеррода уничтожающий взгляд, но тут же ощутил головокружение. Только после того, как он начал обучаться искусству «пауков» – воров, которые умели с легкостью карабкаться по гладким стенам, – он узнал, что боится высоты.

Он никогда не задумывался о своем страхе высоты. Но вот Джеррод поступил на службу к Королю Старьевщиков и предложил его «команде» – Келу, Меррену Асперу и Кан Джиан – сделать из них «пауков».

Только Кел принял это предложение. От него не ускользнула ирония ситуации. Вообще-то Кел меньше всех должен был доверять Джерроду Белмерси: ведь тот, будучи подручным Проспера Бека, когда-то устроил Келу засаду в темном портовом переулке. Однако они сумели преодолеть неприязнь, а вот Меррен и Джиан, напротив, сначала относились к Джерроду с подозрением. Их преданность Андрейену была безграничной, а Бек, бывший хозяин Джеррода, до недавнего времени являлся соперником Короля Старьевщиков.

Три месяца назад Бек внезапно исчез из Каstellана, и «паук» остался без работы. Андрейен успокоил своих подчиненных и развеял их сомнения, заверив их в том, что Джеррод станет для них не помехой, а полезным членом команды. Он даже приказал соорудить в оранжерее специальную стену для тренировок из гладких гранитных блоков, покрытых неравномерно расположенными трещинами и углублениями. (Джеррод предложил построить стену над искусственным ручьем, протекавшим по залу, аргументируя это тем, что присутствие крокодилов даст Келу дополнительную мотивацию. Но Андрейен отказался от этой идеи. «Крокодилы обошлись мне в немалую сумму, – сказал он, – а если они съедят Кела, у них наверняка случится несварение желудка».)

– И не смотри *вниз*, – добавил Джеррод. – Я же тебе уже говорил, нельзя смотреть вниз. И не смотри в сторону. И вверх. Не ищи взглядом трещины, за которые можно ухватиться. Нужно нащупать их.

Глядя прямо перед собой, Кел изменил положение. Когда он пришел в Черный особняк и обнаружил, что Андрейен занят на какой-то встрече, Джеррод предложил ему позаниматься лазанием по стене. Кел, который все еще нервничал после собрания в Палате Солнечных Часов и у которого в ушах до сих пор звучало имя «Серый Змей», согласился... но сейчас начинал об этом жалеть.

Лазание по стенам требовало полной концентрации, поэтому он надеялся, что это его успокоит. Когда он был мальчишкой и жил в приюте, он часто карабкался по скалам со своим другом Касом и мечтал в один прекрасный день стать «пауком». Тогда ему казалось, что это самое большее, чего может достичь бездомный сирота в Кастеллане: возможно, он не стал бы хозяином своей жизни, зато в его распоряжении оказались бы все головокружительно высокие здания города, его остроконечные башни и крутые крыши, его арки и стрельчатые окна.

Он неудачно поставил ногу, и она соскользнула. Он выругался. Одно дело – искать трещины пальцами, посыпанными мелом, и совершенно другое – пытаться упереться в вертикальную стену носком сапога...

– *Вжймайся* в стену, – крикнул ему Джеррод. Казалось, он уже отчаялся. – Представь, что она находится не перед тобой, а под тобой... О, добрый день, – произнес он совершенно другим тоном. – Я так понимаю, совещание уже закончилось?

Кел невольно взглянул вниз. Пол оранжереи устремился ему навстречу, и он сполз по стене почти на половину ее высоты, прежде чем смог остановить падение, неуклюже шаря по гладкой поверхности. «Наверное, со стороны я ужасно нелепо выгляжу».

После этого он разжал пальцы и свалился чуть ли не на голову Джерроду, но тот не обратил на него внимания. Бандит смотрел на Короля Старьевщиков, который только что вошел в зал в сопровождении Джиан и Меррена. Джиан была, по обыкновению, одета в шелковую куртку и штаны, расшитые пионами, ее черные волосы были собраны в узел и заколоты медной заколкой. Рядом с ней Меррен в своем выцветшем черном костюме выглядел как студент – впрочем, он и был студентом. Его блестящие золотые волосы напомнили Келу об Антонетте.

Он постарался выбросить из головы мысли об Антонетте. Заметил, что Джеррод смотрит вовсе не на Андрейена; взгляд «паука» был прикован к лицу Меррена, но молодой человек, как всегда погруженный в собственные мысли, ничего не замечал.

– А что будет, если ты свалишься с самого верха? – поинтересовался Меррен и, откинув голову назад, оглядел стену для тренировок. – У «пауков» есть какая-нибудь особая техника, как падать, чтобы не переломать себе ноги?

– Нет, – ответил Джеррод. – Он просто переломает себе ноги. Именно поэтому я пытаюсь научить его не падать.

– Ты все-таки смотри, чтобы он не покалечился; он мне еще нужен, – заметил Андрейен. В полумраке оранжереи зеленые глаза Короля Старьевщиков светились, как у кота. – Предполагаю, ты пришел, чтобы рассказать нам о собрании в Палате Солнечных Часов, Келлиан?

Кел принялся счищать мел с ладоней. Джиан сердито смотрела на Джеррода; она всегда смотрела на него сердито. Он работал на Короля Старьевщиков уже три месяца, занимался сбором информации в Кастеллане и в самых темных закоулках Лабиринта, но Джиан до сих пор не доверяла ему.

Джеррода это как будто бы не волновало – хотя, с другой стороны, трудно было определить, волнует его что-то или нет. Часть его лица была скрыта под серебряной маской. Теперь он снимал капюшон в присутствии Кела и остальных, и все могли видеть сетку тонких белых линий, которые уродовали его лицо. Шрамы расходились в стороны от его маски к вискам, пересекали скулы. Кел часто задумывался о том, как и где Джеррод Белмерси мог получить такие увечья.

– Да, – ответил Кел, стряхнув большую часть мела. Однако руки все равно остались сухими, и это было не слишком приятное ощущение. – Но я узнал еще кое-что...

Слова «Серый Змей» вертелись у него на языке, но Андрейен поднял руку, приказывая ему молчать.

– По порядку, пожалуйста, – произнес он. – Перескажи все, что обсуждали на собрании, с самого начала.

Кел вздохнул про себя, но подчинился. Когда они расселись на каменных скамейках у декоративного пруда, он описал произошедшее в Палате Солнечных Часов: нервность аристократов, объявление Конора, реакцию Семей Хартий.

– Твой принц опять собрался жениться? – насмешливо бросил Джеррод. – Полагаю, никто не напомнил ему о том, как отлично все прошло в последний раз.

– Вообще-то кое-кто напомнил, а именно Монфокон, поскольку у него нет такта, – сказал Кел. – Но сейчас ситуация не такая, как три месяца назад. Сейчас необходимо предотвратить войну; королева и Бенсимон согласны с тем, что брак – наилучший выход. Аристократы испытали громадное облегчение, а если кто-то и был против, то эти люди очень хорошо притворялись.

– Зачем же им притворяться? Война никому не выгодна, – заметил Меррен.

– Ты ошибаешься, – возразил Андрейен. – Война всегда *кому-то* выгодна. И все-таки... – Он откинулся на спинку скамьи. – Кутани – самая богатая в мире страна. У них больше чем достаточно золота для того, чтобы заплатить любой выкуп, который потребует Сарт за смерть своей принцессы, или для того, чтобы собрать армию и отразить нападение Сарта, если дело до этого дойдет. Я впечатлен дипломатическим искусством Бенсимона и королевы.

– Конор вел большую часть переговоров сам, – вмешался Кел, и когда остальные недоверчиво покосились на него, упрямо добавил: – Я же вам говорил. Он изменился.

Джиан вытащила из кармана колоду карт и разложила их на каменном столике у пруда.

– Я видела Анжелику из Кутани, – к изумлению Кела, произнесла она. – При дворе короля Гымчосона. Она приезжала с официальным визитом. Она... прекрасна. – Джиан взглянула на карты, потом положила Льва поверх Плачущей Девушки. – Так прекрасна... это было почти что слишком. Принц Хи желал только одного: жениться на ней. Мне кажется, он на все был готов ради этого. Но отец запретил ему. Сказал, что такая красота приносит несчастье.

– Любопытно, – заметил Андрейен, положив подбородок на набалдашник трости. – Анжелика из Кутани могла бы выбрать любого. Почему она согласилась выйти за нашего принца, у которого, мягко говоря, имеется немало проблем?

Кел вздрогнул. Это замечание перекликалось с его собственными мыслями и сомнениями; Конор не делился с ним подробностями сделки, а он не спрашивал.

– Не знаю, что Кастеллан предложил Кутани, – сказал он. – Должно быть, нечто такое, чего нельзя получить у других.

– Несмотря на все недостатки принца, Кастеллан является ценным союзником, – напомнила Джиан. – Особенно для страны, которая так сильно зависит от торговли, как Кутани.

– Малгасийцы наверняка рассвирепеют, – усмехнулся Меррен. В его волнистых волосах застрял листочек с дерева. Он поднял руку, чтобы убрать лист, и Джеррод проследил взглядом за его движением. – По-моему, они очень хотели, чтобы Аврелиан заключил брак с их наследницей престола. И вот теперь он снова намерен жениться... и снова не на Эльсабет Белмани.

Кел развел руками.

– Могу привести тебе официальные доводы Бенсимона: если бы Конор женился на малгасийской принцессе, Сарт оказался бы зажат между двумя союзными государствами. Король Сарта почувствовал бы угрозу и, вероятно, даже счел бы нужным начать войну.

– А неофициально что говорят? – усмехнулась Джиан, положив карту Принца Мечей на Темную Вдову.

– Неофициально? Конор презирает семейство Белмани. Не только потому, что они лживы и коварны, но особенно потому, что они объявили ашкаров вне закона и перебили почти всех.

– А вот это интересно, – пробормотал Андрейен. – Немного найдется королевских семей, которых заботит судьба ашкаров. Видимо, Майеш старается изо всех сил.

– Только представьте себе: Конор Аврелиан, которого мучают угрызения совести, – с издевкой произнес Меррен. – Я всегда считал его аморальным типом.

– Не существует абсолютно аморальных людей, – возразил Кел. – И потом, дело не в морали, а в практических соображениях. Королевская семья Малгаси весьма неприятна сама по себе, но мало того: народ, кажется, это уже заметил. Источники Джоливета сообщают, что революция может произойти со дня на день.

– Как противник монархии, я в теории поддерживаю революцию, – объявил Меррен.

Кел улыбнулся, но невольно вспомнил слова короля Маркуса, обращенные к послу Малгаси: «Вы хотите посадить моего сына в клетку, как посадили меня!» Что-то темное было между дворами Малгаси и Каstellлана, какая-то тайная кровавая история, которая теперь навеки заперта в памяти короля, хранившего обет молчания.

– А что наш друг легат? – спросил Андрейен. В его голосе прозвучала раздраженная нотка; Король Старьевщиков понимал, что договор с Джоливетом был необходимостью, но Джоливет олицетворял Закон, а Андрейен возглавлял тех, кто шел против Закона. Ему никогда не пришлось бы в голову искренне назвать легата своим другом. – Он ведь присутствовал на собрании? У него есть для нас какая-то ценная информация или, может быть, указания?

Кел покачал головой.

– У него заканчивается терпение, – произнес он. – Солдаты Эскадрона стрел допросили в Каstellлане всех, кто хотя бы слово сказал против Сарта. Но ничего не узнали.

– И поэтому он давит на тебя? – Неприятная нотка никуда не делась. – А ему не приходило в голову, что, если надавить слишком сильно, ты сломаешься?

Кел вдруг вспомнил слова, которые сказал ему Андрейен несколько дней назад, во время разговора наедине. «Боюсь, ты не сможешь выдержать двойную игру. Быть одновременно Ловцом Мечей и шпионом».

Он лишь пожал плечами в ответ.

– Джоливет, видимо, считает, что нам следует узнать больше, чем мы знаем сейчас...

– Ах да, он думает, это так легко, верно? – вмешалась Джиан. – Заставляет нас делать за него всю работу. – Она тряхнула головой. – Никто в Каstellлане не говорит. Ни с людьми с Горы, ни с нами. Нет никаких зацепок...

– Кстати, насчет зацепок, – начал Кел. – Сегодня вечером Монфокон устраивает попойку в «Каравелле».

Меррен поднял голову. Его сестра, Алис Аспер, была владелицей и управляющей «Каравеллы».

– И что? – фыркнул Джеррод. – Нам всем пойти и утопить свои печали в вине в компании распутных аристократов?

– Оргии аристократов – это вовсе не так увлекательно, как ты себе представляешь, – сказал Кел. – Но дело в другом. Монфокон пригласил меня и нескольких приятелей с конкретной целью: он хочет познакомить нас со своим новым партнером, известным под псевдонимом Серый Змей.

– Серый Змей, – пробормотал Андрейен. – Последние слова Гремонта?

Кел кивнул.

– Теперь ты думаешь, что Серый Змей – это реальный человек? Не метафора? Не лодочник с головой змеи из мифов? – спросил Андрейен.

– Темный Провожатый, – добавил Меррен. – Который перевозит души через реку в загробный мир.

– Гремонт говорил так настойчиво, взволнованно, – вспоминал Кел. – Я давно размышляю о том, почему он потратил свои последние секунды на разговоры о сказках. Но, возможно, речь шла вовсе не о сказке. А это означает, что сегодня вечером я буду в «Каравелле».

– И это означает, что ты будешь сопровождать принца? – поинтересовался Джеррод. – Или *изобразить* его?

– Ни то ни другое, – коротко ответил Кел. Он старался говорить о Коноре как можно меньше. Он приходил сюда не для того, чтобы рассказывать о жизни Дворца. Возможно, принцу не суждено было об этом узнать, возможно, это не имело никакого значения, но груз вины за предательство становился немного легче, если он молчал о Коноре. – Я приду туда в качестве Кела Анджумана. Если этот Серый Змей действительно существует, я прослежу за ним и узнаю о нем, что смогу.

– Мне не нравится, что все это происходит в доме Алис, – нахмурился Меррен. – Я должен ей сообщить...

– Что сообщить? – перебил его Джеррод. – Что, по твоим сведениям, лорд Монфокон знаком с человеком, замешанным в нападении на Маривент? Вот как раз если ты ей все расскажешь, она окажется в опасности.

Меррен упрямо выставил вперед подбородок.

– Все равно я хочу присутствовать там сегодня.

– Будешь присутствовать, – успокоил его Андрейен. – А *вы*... – он взглянул на Джеррода и Джиан, – пойдете с ним.

– Нам придется замаскироваться? Ненавижу маскировку, – мрачно буркнул Меррен.

– Нет, – ответил Андрейен. – Маскировка тебе не понадобится. Вы останетесь снаружи...

– Меррен мог бы изображать работника борделя. Он достаточно красив для этого, – рассеянно заметил Джеррод.

– Я только что сказал, что ему не нужно переодеваться; слушай внимательно, Джеррод, – произнес Андрейен с легкой насмешкой. – Вы трое останетесь в карете, а Кел подаст знак, если вы ему понадобится. Джиан может управлять экипажем.

– Я не согласен, – возразил Джеррод.

Джиан бросила на него нехороший взгляд.

– Что ж, если вы передумаете и решите, что сегодня вечером вам пригодится маскировка, – сказал Кел, – у меня, по-моему, осталась пиратская шляпа, которую я надевал на последнем костюмированном балу королевы, посвященном морской теме. Джеррод, дай мне знать, если захочешь переодеться пиратом.

Джеррод злобно сощурился, а Меррен сказал:

– Кел, на совещании в Палате... не упоминали о прибытии Артала Гремонта?

Кел покачал головой.

– Он еще, так сказать, ждет у моря погоды. Я имею в виду, в буквальном смысле, а не в переносном.

– Что-то он не торопится, я смотрю, – заметил Меррен. – Надо бы ему поспешить, если он хочет жениться на твоей подруге Антонетте до конца месяца.

– Меррен. – Кел попытался перехватить взгляд друга, но Меррен старательно смотрел в сторону. – Ты до сих пор планируешь отомстить Гремонту? Убить его?

Меррен часто заморгал.

– У меня нет того, что ты назвал бы конкретным планом. Я предпочитаю действовать спонтанно.

Джеррод озабоченно нахмурился.

– Меррен, у Артала Гремонта большие связи. Он унаследует хартию, то есть положение и власть, максимально близкие к положению членов королевской семьи.

– Ах да, – произнес Меррен нехарактерным для него горьким тоном. – Он доводит до самоубийства моего отца, навлекает позор на мою сестру и получает в награду хартию. Они не могли передать ее какому-нибудь другому Гремонту?

– По-видимому, мать передает ему управление в качестве благовидного предложения, чтобы вернуть его из ссылки, – объяснил Андрейен.

– Как бы то ни было, – заговорил Джеррод, – Меррен, ты же понимаешь, что если убьешь его, окажешься в смертельной опасности. – Он посмотрел на Кела. – Ну, скажи ему, что ты молчишь?

– Я думаю, что Меррен – очень осторожный человек, – ответил Кел. – А Гремонт заслуживает смерти.

– Спасибо, – с довольным видом ответил Меррен.

– Ты действительно так думаешь? – раздраженно воскликнул Джеррод. – Или тебе просто хочется убрать с дороги будущего мужа Антонетты Аллейн?

Кел натянуто улыбнулся.

– Возможно, и то и другое, почему бы нет? – Он обернулся к Меррену. – Делай то, что считаешь нужным, – сказал он. – Но мне лучше не знать подробностей.

Джиан усмехнулась.

– Потому что в противном случае у тебя появятся секреты от Антонетты, а тебе это неприятно?

– Неприятно? С какой стати? – пробормотал Кел, чувствуя себя очень, очень усталым. – У меня от всех есть секреты.

Лин казалось, что теперь каждый раз, когда она проходила через ворота, превращался в испытание. Испытание не для нее, а для Солта, его настроения и отношения к ней, Возрожденной Богине, которую они не ожидали увидеть и которая многим из них на самом деле была не нужна, хотя они молились о ее возвращении.

Сегодня ворота охраняли двое: ее старый друг Мез и Адар Гамел, один из молодых *шом-рим*. Адару недавно исполнилось восемнадцать – начиная с этого возраста, мужчины могли служить в страже, – и он был еще худым и неуклюжим, как новорожденный жеребенок. Он недолюбливал Лин и не давал себе труда это скрывать.

– Приветствую тебя, *Богиня*, – с издевкой бросил он, когда она проходила мимо.

Мез улыбнулся Лин; он явно чувствовал неловкость за поведение своего напарника.

– Лин, – заговорил он. – Ты навещала больного? Все хорошо?

– Все хорошо, Мез.

– Махарам хочет тебя видеть. Он велел передать тебе это, когда ты вернешься.

Стражник пожал плечами с извиняющимся видом, словно говоря, что понятия не имеет о причине вызова к махараму. Лин не сомневалась в его искренности. Она улыбнулась Мезу и, не обращая внимания на враждебный взгляд Адара, прошла под аркой и направилась в сторону Этце Кебет. Она не торопилась, не желая выдавать тревоги, но ей казалось, что внутренности сжались в тугой комок.

Она прекрасно помнила ночь, когда все это произошло, помнила, как объявила себя Богиней, помнила взрывы в гавани, пылающие корабли, похожие на маленькие солнца. В ту ночь никто не сомневался в ее словах, кроме деда, но время шло, и обстановка в небольшой общине, прятанной за высокими стенами, изменилась.

Она подумала, что Мез и Адар являются яркими представителями двух лагерей, на которые разделились жители Солта. Одни считали ее Богиней или, по крайней мере, думали, что следует дать ей возможность доказать свою правоту. Другие не сомневались в том, что она лжет. Никто не говорил этого Лин в лицо, но на улицах с издевкой перешептывались: где же

чудеса? После пожара в гавани она ничего не совершила! И почему из всех ашкарских женщин мира Богиня избрала именно *Лин Кастер*, чтобы объявить о своем возвращении?

Пересекая площадь Катот, она заметила Ариэль Дорин, сидевшую на каменной скамье в окружении других молодых женщин. Лин сделала крюк, чтобы не приближаться к ним. В последний раз, когда она встретила Ариэль на улице, девушка, которую Лин знала всю жизнь, окинула ее холодным взглядом и бросила: «Скоро прибудет Санхедрин. Наслаждайся своим положением, пока можешь».

Да, она была права. Не в том, что Лин «наслаждалась своим положением», а в том, что скоро в Солт должны были приехать члены Санхедрина. Но она старалась не думать об этом. У нее было какое-то время до их приезда, и на это время она получила доступ в шуламат. Она запретила себе тревожиться о будущем.

А пока Лин находилась в некоем промежуточном состоянии: она была не совсем Возрожденной Богиней, но и не прежней Лин Кастер. Теперь она могла входить в шуламат, брать книги и инструменты, необходимые для изучения медицины. Она приходила и уходила, когда хотела, никто не препятствовал ей. Она продолжала навещать пациентов; разве Богиня не была целительницей? У нее были защитники: Хана, Мариам, Мез. Однажды утром, открыв дверь своего дома, она обнаружила на крыльце серебряную чашу. На чаше было выгравировано заклинание, отгоняющее *шедин* и *лилин*, злых духов, которые насылали болезни на младенцев и похищали спящих стариков. Лин не знала, зачем чашу поставили ей на порог: чтобы защитить ее или чтобы защитить других людей *от нее*.

Так или иначе, чаша не помогала избавиться от снов, которые преследовали ее уже несколько месяцев. От странных снов о Богине, о пламени, вздымавшемся вокруг башни и пожиравшем Арам. Иногда ей снились какие-то совсем бессмысленные сны: она видела мужчину, швырявшего в море книгу, малгасийца, наткнувшегося на странную пещеру и ослепленного золотым сиянием. Даже прошлой ночью она видела темноволосую женщину, у которой из ладони вырвался огненный луч, и человека, привалившегося к белой мраморной колонне и охваченного пламенем.

В середине дня в шуламате было тихо и безлюдно; храм застыл под палящим солнцем, словно спящая кошка. Лин пересекла пыльный серый каменный зал, подошла к золотой решетке и открыла дверь, за которой хранились старинные книги. Книги, которые она теперь могла держать в руках; она могла ощущать их вес, проводить пальцами по буквам, вытисненным на обложках. Некоторые были переплетены в гладкую кожу, у других были тяжелые обложки из серебра с резьбой и надписями, иногда попадались обложки из выцветшей ткани с приклеенными драгоценными камнями. Клей пересох, и часть камней отвалилась. Три месяца назад Лин не могла даже представить себе, что когда-нибудь прикоснется к ним. Но, получив доступ к книгам, она поняла, что готова заплатить за них любую цену: обвинения в самозванстве, враждебность окружающих, вред, который она причинила своей душе всей этой ложью.

(И главное, она вернула самую ценную книгу, которую недавно конфисковал махарам, «Сочинения Касмуны»; это была не только очень редкая, но и запрещенная книга, и Лин обернула ее в черный бархат, чтобы никто не увидел названия. Принц подарил ей это сочинение, и всякий раз, открывая книгу, Лин видела перед собой его лицо.)

Она прошла по пустым коридорам, залитым золотым, как мед, солнечным светом, в котором кружились пылинки, и добралась до небольшого сада, с четырех сторон окруженного высокими стенами. В воздухе плыли сладкие ароматы цветов, стены были увиты цветущей жимолостью, клумбы были засажены синими люпинами и желтыми крокусами. Ветви деревьев, росших вдоль дорожек, прогибались под тяжестью гранатов и фиников.

Она заметила махараму в тени платана. Он был без своего посоха; казалось, он был всецело поглощен своим занятием, бросал семечки стайке шумных птичек-нектарниц. Когда Лин

подошла, птицы разлетелись, но старик не обернулся. Он свистнул, и одна нектарница с ярко-красной головой, подпрыгивая, приблизилась к нему вплотную и чуть не села на его сандалии.

Лин не обратилась к махараму с приветствием, просто стояла молча и терпеливо ждала, когда он заговорит (эта задача облегчалась тем, что подол ее платья зацепился за длинные колючки кактуса *сахья*). Наконец он произнес:

– Ты никогда не задумывалась о том, зачем был разбит этот сад?

«Еще три месяца назад мне не разрешалось даже *взглянуть* на этот сад». Но Лин ответила лишь:

– Разве у сада должна быть какая-то цель, кроме того, чтобы служить убежищем и местом отдыха?

Махарам сунул руку в карман своей просторной одежды и вытащил еще горсть семян.

– Когда первый эксиларх, Иуда Макаби, бежал из Арама, он взял с собой не только свой народ, но также и плоды и семена растений, росших в его стране, чтобы ни одно из них не исчезло с лица земли. Все растения, которые ты видишь в этом саду, когда-то можно было встретить в Араме. Содомское яблоко и белые анемоны росли в горах, розы и тюльпаны цвели в долинах. Мы сохраняем их все, выращиваем, где можем, чтобы эти растения можно было вернуть в Арам после его восстановления. – Он внимательно смотрел на нее своими темными глазами. – Которое, разумеется, является твоей задачей.

За спиной Лин раздался смешок. Обернувшись, она увидела на тропинке Орена Канделя. Конечно, Лин очень часто приходилось встречать его с тех пор, как она взяла на себя новую роль – роль Богини. Еще до ее «превращения» махарам назначил Орена сторожем шуламата, и он постоянно мелькал где-то рядом, с ненавистью глядя на нее из теней. Он скорчил гримасу, отвернулся и ушел прочь, таща на спине джутовый мешок.

– Не обращай на него внимания, – сказал махарам. – Следует с терпением относиться к тем, кто еще не готов к ее возвращению.

– Некоторые люди принимают перемены легче, чем другие, – ответила Лин таким же нарочито бесстрастным тоном. Она могла бы сказать, что, если бы сам махарам не демонстрировал так явно сомнения в ее «божественности», к ней в Солте относились бы иначе. Но это было бесполезно. Он знал это; и кроме того, она не могла его осуждать.

Его сомнения были вполне обоснованными.

– Скоро придет Санхедрин, – неожиданно произнес махарам. – Через неделю.

У Лин перехватило дыхание. Сад внезапно показался ей неестественно ярким: цветы на клумбах резали глаз, контраст между ровными, неподвижными черными тенями и пыльной землей был слишком отчетливым.

– По-моему, вы сказали, что до их приезда остается несколько месяцев...

Она прикусила язык, но на лице махарам промелькнуло удовлетворенное выражение. Слишком поздно – она выдала себя. Он ответил:

– Они приезжают и уезжают тогда, когда считают нужным. Возможно, они заинтересовались тобой.

– Я польщена.

– Одна неделя, – задумчиво произнес махарам. – Это значит, что они сейчас довольно далеко, и у меня еще есть возможность отправить им послание и попросить не приезжать. Если ты вдруг передумаешь насчет испытания.

«А почему я должна передумать?» – чуть не вырвалось у Лин, но она не могла себя обманывать: когда она услышала предложение махарам, у нее чаще забилося сердце. Ей не придется стоять перед эксилархом и его советниками, не придется лгать Санхедрину... Больше у нее в запасе не было чудес – ей исключительно повезло, она совершенно случайно узнала о готовящемся взрыве в гавани, и все так удачно совпало...

Теперь у нее есть только она сама и то, что она успела узнать, чему научилась. Она понимала, что этого будет недостаточно.

Может быть, все-таки... Махарам смотрел на нее с сочувствием. Перед ней был старик, который освящал браки, благословлял новорожденных, кормил воробьев и нектарниц. Если сейчас она попросит его передать послание Санхедрину, сообщить, чтобы они не приезжали, скажет, что она ошиблась и что она на самом деле не Богиня, то он будет добр к ней.

Но остальные люди Солта... Ее друзья, соседи, пациенты. Отныне они будут считать ее лгуньей. Ее не изгонят за стены, но она все равно станет парией. Те, кто сомневался в ней, будут торжествовать, но не это волновало ее; она знала, что разобьет сердце людям, которые в нее верили.

И была еще Мариам. Мариам, которую она, Лин, до сих пор не смогла исцелить. Но неделя – это время; за неделю можно что-то успеть...

Нектарница подлетела к махараму, уселась ему на плечо и деловито зачирикала.

– Дай мне знать о своем решении, Линнет, – сказал махарам. – Но поверь мне, я не настаиваю. Это только твой выбор.

«Ну да, конечно, ты не настаиваешь», – подумала Лин. Махарам был слишком хитер для того, чтобы брать на себя ответственность за ее решение или его последствия.

– Я очень благодарна вам, махарам, – произнесла она вслух и наконец отцепила свои юбки от кактуса. При этом она уколола палец, и на коже выступила капелька крови, ярко-алая, сверкающая, как рубин в кольце принца. – Я тщательно обдумываю ваши слова.

Кел приехал в «Каравеллу» один, верхом на Асти. Он оставил Конора в Звездной башне в обществе Лилибет и Майеша: они все еще были заняты подготовкой к встрече принцессы из Кутани. «Могу предположить, что Монфокон будет недоволен, если я не явлюсь, – заметил Конор. По его виду нельзя было сказать, что недовольство Монфокона его сильно беспокоит. – Но это важнее вечеринки».

Спускаясь по дороге, ведущей с Горы в город, Кел почему-то чувствовал себя одиноким. Он говорил себе, что так даже лучше во многих отношениях, ведь Конор теперь ставит свои обязанности принца выше развлечений. Но это не помогало; Келу не хватало принца, особенно когда он представлял себе ночь среди «золотой молодежи» с Горы. Из этой компании ему понастоящему нравился только Конор и иногда – Фальконет.

Однако, несмотря на все эти невеселые мысли, Кел решил, что надо наслаждаться ясной, теплой ночью. Звезды напоминали серебряную рыбацкую сеть, раскинутую по небу; воздух был неподвижным и прозрачным, и Кел мог видеть темные очертания сиротского приюта, своего первого дома, примостившегося на берегу моря, над высоким обрывом.

«Каравелла» была ярко освещена, двери и окна распахнуты, музыка, смех и крики были слышны издали. Некоторые прохожие с любопытством посмотрели вслед Келу, когда он, бросив поводья слугам, пошел к дверям. Без сомнения, они спрашивали себя, кто он такой: аристократ, может быть, даже член одной из Семей Хартий? А возможно, они заметили, что он одет в цвета Мараканда. На нем были зеленые бархатные брюки, шелковая рубашка цвета селадон и узорчатый жилет, расшитый зелеными драгоценными камнями – хотя это были не изумруды, а всего лишь цветные стразы. Фальшивые, как его имя и его положение во Дворце.

Зал борделя был отделан и украшен тканями цветов Дома Монфоконов, серебристым и лиловым. Платья куртизанок напоминали ливреи слуг Монфоконов, а их веки были накрашены лавандовыми тенями с металлическим блеском. Девушки сновали среди гостей, разнося напитки и закуски; серебристые шарфы развевались у них за плечами. Монфокон в костюме из лилового муара расхаживал по залу. Он явно был в своей стихии: некоторых приветствовал, на других смотрел с пренебрежением. Поскольку он сам составлял список гостей, Келу ничего

не оставалось, кроме как решить, что Монфокон пригласил половину людей только для того, чтобы иметь возможность смотреть на них свысока. Это его любимое занятие.

Кел медленно оглядел зал. Он знал всех присутствующих, если не считать нескольких куртизанок. Он вдруг понял, что уже давно не бывал в «Каравелле». Почти четыре месяца. Сейчас он как-то странно чувствовал себя в этом заведении, но не мог бы сказать, в чем дело и что его напрягает. Раздавался стук молотков: на сцене группа рабочих сколачивала непонятное деревянное сооружение.

Кел заметил, что большинство его знакомых с Горы уже успели основательно налиться вином, которое в изобилии предлагали куртизанки. Он нигде не видел ни Джиан, ни Джеррода, но Меррен был здесь; он разговаривал с Алис, сидя на красном диванчике. Кел изо всех сил старался не смотреть в их сторону, и задачу ему облегчили подошедшие Киприан Каброль и Джосс Фальконет. Оба держали серебряные кубки с какой-то молочно-белой жидкостью. Джосс был в черном бархатном костюме, Киприан выбрал скромный серый цвет, который ему не подходил.

– Что это они такое строят? – спросил Кел, стараясь, чтобы его голос звучал равнодушно, пренебрежительно.

– Возможно, он хочет продемонстрировать нам этого Серого Змея на живописном фоне, – сказал Джосс. – Монфокон всегда любил театральные эффекты.

– Это действительно его дебют? – расспрашивал Кел. – Монфокон даже не приводил его с собой играть в карты?

Киприан покачал головой.

– Монфокон раньше не был таким скрытным, когда речь шла о его возлюбленных.

Странно, подумал Кел; Киприан говорит о знатных людях так фамильярно, как будто его семья всегда жила на Горе.

Джосс отпил глоток из своего кубка; взгляд его темных глаз был задумчивым.

– По-видимому, он сражался на Арене до того, как запретили бои гладиаторов. Он убил столько народу, что его начали называть Серым Змеем – понимаете, потому что он пачками отправлял людей в иной мир.

Киприан нахмурился.

– Прошу меня извинить. Я должен вырвать свою сестру Беатрис из когтей Эстева. Он на каждом вечере загоняет ее в угол и начинает читать лекции о лошадях.

– У Эстева это язык любви, – заметил Кел.

Киприан поморщился, как будто от отвращения, и пошел прочь, расталкивая людей.

Джосс ухмыльнулся.

– Надо сказать, что я предпочитаю новых торговцев красками старым. Они более заняты.

Кел вопросительно поднял брови.

– Что, ты не скучаешь по Шарлону?

– У меня были проникающие ранения ноги, по которым я скучал больше, чем по Шарлону, – грубо ответил Джосс. – А Каброль быстро освоился в нашей компании. Остается только восхищаться его пробивным характером.

Кел поискал взглядом Киприана, который стоял, обняв сестру за плечи – ее туалет был белым с желтой отделкой, так что она напоминала ромашку, – и сердито смотрел на Эстева. За спиной у Кела кто-то начал фальшиво играть на лютне. В зале было слишком много людей, стук молотков и скрип дерева, доносившиеся со сцены, не давали нормально разговаривать. Кел заметил в толпе женщину с длинными рыжими волосами и на миг оторопел. *Лин?* Но, разумеется, это была не она. Это была Силла, чью наготу прикрывали лишь несколько искусно повязанных лиловых и серебристых шарфов. Она была похожа на nereиду, которая плыла по

волнам, оставляя за собой след из пены. Девушка наклонила голову набок и поманила Кела пальцем.

– Вижу, тебе пора, – хмыкнул Джосс. – Очень, очень жаль. А я как раз собирался спросить у тебя, когда прибудет заморская принцесса.

– Думаю, через несколько недель. Она уже отплыла, но путь из Кутани неблизкий. – Кел помолчал. Ему не хотелось отвлекаться на Силлу, но, с другой стороны, нельзя было слишком настойчиво расспрашивать Фальконета о Сером Змее. Это могло вызвать подозрения. Кроме того, он совершенно не желал разговаривать о помолвке Конора. – Ты меня извинишь?

Фальконет бросил быстрый взгляд в сторону рыжеволосой куртизанки и многозначительно улыбнулся.

– Ну разумеется. Кто я такой, чтобы мешать молодым влюбленным?

Кел хлопнул Фальконета по плечу и начал протискиваться мимо гостей к Силле. «Молодые влюбленные», как бы не так. Их встречи с Силлой с самого начала были просто сделкой, она продавала, он покупал; хотя, если подумать, на Горе любовь почти всегда являлась сделкой. Не было смысла раздражаться на Фальконета.

По дороге к Силле он заметил Гаскета, который развалился в кресле, обитом бархатом; на подлокотнике кресла сидел красивый молодой человек. Интересно, Монфокон пригласил сюда все Семьи Хартий? Он же не мог ожидать, что леди Аллейн или леди Гремонт снизойдут до посещения непотребного дома. Леди Гремонт была респектабельной дамой преклонного возраста, а леди Аллейн брала в любовники только богатых мужчин. Обе сочли бы своим долгом возмутиться, увидев распутство, творящееся в «Каравелле», хотя Кел поспорил бы на что угодно: эти знатные дамы за свою жизнь повидали гораздо более скандальные вещи.

Только после того, как Силла взяла его за запястье, Кел с удивлением заметил, что забыл снять перчатки. Куртизанка взглянула на него из-под век, накрашенных серебряными и лиловыми тенями. Она искусно умела накладывать макияж – верхняя часть ее лица напоминала мерцающую маску.

– Пойдем отсюда, – произнесла она. – Мне нужно с тобой поговорить.

Он позволил ей увести себя из зала. Когда они были уже в дверях, Кел мельком увидел Монфокона, который, по-видимому, вмешался в разговор Эстева и Беатрис, но с ним не было человека, хотя бы отдаленно похожего на бывшего гладиатора по имени Серый Змей. Где же Монфокон его прячет?

– Ты сегодня и *вправду* какой-то рассеянный, – сказала Силла. В ее медовом голосе Кел уловил недовольство. – А ведь мы с тобой уже так давно не виделись.

Она привела его в один из обитых бархатом альковов, находившихся в глубине «Каравеллы». Каждый такой альков был не больше чулана, но они были богато отделаны: мягкие стены, кушетка, заваленная подушками. Монфокон когда-то в шутку сказал, что эти комнатки предназначены для клиентов, у которых либо нет денег, либо нет большого желания приглашать куртизанку наверх.

Силла отдернула занавесь и обернулась к Келу. Фиолетовые свечи давали слабый красноватый свет, в глубине алькова и в коридоре сгустились тени.

– Мне тебя не хватало, – продолжала женщина, взяла руки Кела и положила себе на бедра. – А ты не скучал по мне?

Он по-прежнему был в перчатках, но машинально провел руками по шарфам, едва прикрывавшим тело Силлы. Это было странно: он одновременно касался и не касался ее. Он чувствовал ее формы, но не чувствовал ее тепла. Он гладил ее, кожаные перчатки скользили по шелку; потом он обнял ее за тонкую талию. Когда он поцеловал ее, она прижалась к нему, потянувшись ему навстречу.

Когда-то Кел был способен забывать обо всем во время поцелуя, прикосновения. Он отдавался удовольствию, и оно притупляло воспоминания, отгоняло тяжелые мысли. Но сейчас

он с изумлением понял, что больше не может отвлечься. Ему было все равно. Он чувствовал прикосновения рук Силлы, ее тела, вкус ее губ, но эти ощущения не могли заставить его забыть, например, о том, что его ботинок зашнурован слишком туго или что у него болит шея.

Мысли разбегались в стороны, вопросы не давали ему покоя. Может быть, Серый Змей уже в общем зале, а он, Кел, напрасно тратит здесь время? Ждут ли его Джиан и Джеррод снаружи в карете, как обещали? Следует ли ему оставить Меррена, который должен был находиться вместе с сообщниками, одного в «Каравелле»? Конечно, это был дом его сестры, но...

Силла откинула голову назад и посмотрела на него снизу вверх. Ее полуопущенные веки напоминали серебряные полумесяцы. Она прошептала:

– Что-то не так. Кел, я *знаю* тебя. Не думай, что я тебя не знаю. Я была твоей первой женщиной.

– И навсегда останешься ею, – ответил Кел. Его руки по-прежнему лежали на ее талии. Но он совершенно ничего не чувствовал, как будто держал в руках бревно. Он выпустил ее и отступил на шаг.

– Это из-за принца? – продолжала она и пригладила рыжие волосы. Ее ногти были покрашены сиреневым лаком. – Я знаю, что мне не следовало идти с ним той ночью, что ты спишь в одной комнате с ним, но...

Кел не сразу понял, о чем она говорит. Ах да – наутро после приема у Ровержей он видел, как Силла выбиралась из постели Конора.

Он пожал плечами.

– Ты свободна проводить время с кем хочешь. У тебя нет никаких обязательств передо мной.

– Ты мне нравишься, – сказала она. – С другими клиентами это сделка. Инвестиция. Но ты... – Она вздохнула. – Скорее всего, ты мне не поверишь, но принц тогда не... он не хотел от меня того, чего хотят другие мужчины. Он попросил меня просто молча лежать рядом с ним. Я смотрела на него, пока он не уснул.

Кел, в свою очередь, вздохнул.

– Силла, неужели ты не понимаешь, я не хочу об этом говорить. Это касается только Конора, это слишком личное. Он не хотел бы, чтобы я знал.

– Он назвал меня чужим именем, – продолжала Силла. Металлическая краска вокруг глаз размазалась, и казалось, что девушка плачет серебряными слезами.

Кел поднял руку, приказывая ей молчать.

– Я не хочу ничего знать.

Это было не совсем так, но за последние несколько месяцев он уже достаточно часто обманывал Конора и обсуждал его с посторонними людьми. Он не хотел еще сильнее отягощать свою совесть.

– Когда-то я тебя понимала, но больше не понимаю, – нахмурилась Силла.

Кел чуть не сказал: «Я и сам себя больше не понимаю». Слова вертелись у него на языке – и в этот миг чья-то рука отодвинула занавесь, и перед Келом возникло лицо Антонетты Аллейн.

Она была очень бледна, как будто нанесла на лицо пудру, как делали пожилые знатные дамы с Горы. Но когда она перевела взгляд с Кела на Силлу, на ее щеках появились два красных пятна.

– О Боги, мне *так* неудобно.

Силла пригладила жилет Кела на груди.

– Можете присоединиться к нам, демуазель.

Антонетта смущенно рассмеялась, но Кел заметил в ее глазах странный блеск.

– Во имя всего святого, – пролепетала она. – Вы меня шокируете. Надо будет рассказать Магали. Уверена, она упадет в обморок. – Она неопределенно махнула рукой в их сторону. – Но продолжайте, не обращайтесь на меня внимания, – прошептала она и исчезла в темноте.

Кел выругался и осторожно убрал руку Силлы со своей груди. Забыв о Сером Змее, он бросился следом за Антонеттой.

Он догнал ее в узком коридоре, отделанном деревянными панелями, который вел в передние комнаты. Когда он негромко окликнул ее, она не обернулась. Он побежал вперед, обогнал ее и загородил ей дорогу.

– Ана, – взмолился он. – Выслушай меня...

Придав лицу выражение ангельского терпения, она скрестила руки на груди и бесстрастно взглянула на Кела. Он не мог удержаться – в свою очередь, он жадно разглядывал ее. Он не был так близко к ней с той кошмарной ночи в Сияющей галерее. Сегодня она не надела цвета Монфокона; ее алое шелковое платье было похоже на знамя восстания, а тяжелая масса вьющихся золотых волос была перевита темно-красными лентами.

– Антонетта, – произнес он.

Она стояла почти вплотную к нему, и он чувствовал аромат ее духов, видел золотой медальон, который она всегда носила на груди. Медальон, в котором было спрятано колечко из травы; он подарил это колечко Антонетте, когда они были детьми. Кровь шумела у него в ушах.

– Я не думал, что ты придешь сегодня.

– Теперь я помолвлена, Кел Анджуман, у меня есть жених, – легкомысленно ответила она. – Так что у меня больше свободы, чем у других девиц. Меня не волнует презрение общества, только мнение моего будущего мужа... а его здесь нет.

– Но скоро он будет здесь, – прошептал Кел.

Он плохо помнил Артала Гремонта; он видел его еще до изгнания, когда сам был ребенком. Это был крупный мужчина с руками, похожими на лопаты. Когда Кел представил, как эти руки прикасаются к Антонетте – *гладят ее грудь, ее талию, бедра, как мясистые пальцы тискают ее тело, прикрытое тонким шелком*, – ему показалось, что его сейчас вырвет. И ему было наплевать на то, что Алис заставит его заплатить за испорченный ковер.

– Я знаю об этом, – резко произнесла Антонетта. – Я узнаю об этом сразу после того, как он сойдет с корабля. Поверь мне. Но до тех пор... – Она огляделась. – Можно и посмотреть мир.

– Это не мир. – Кел продолжал смотреть на нее; он не мог *прекратить* смотреть на нее. Так изголодавшиеся люди жадно набрасываются на еду, будучи не в силах остановиться. Разумеется, от этого умирают. – В этом доме люди чувствуют только...

– Плотские желания? – прежним насмешливым тоном произнесла она.

Кел покачал головой.

– Одиночество.

Она отвела взгляд.

– Антонетта. – Он сделал еще шаг навстречу ей. – Давай не будем злиться друг на друга. Ты не *обязана* выходить замуж за Гремонта...

– Нет, – перебила она его, и он удивился, поняв, что она разгневана. Он привык видеть, как Антонетта хихикает, привык видеть ее легкомысленной, даже высокомерной, но ее гнев он видел впервые. – Я обязана. Ты знаешь, какова участь Конора. Он должен жениться на той, кого другие люди выберут для него. Я ничем не отличаюсь от принца. Две Семьи Хартий соединятся. Гремонт возглавит чайную хартию, я – шелковую, и вместе мы станем вдвое богаче и влиятельнее. Это все, что интересует мою мать.

– Конор может этому помешать, – возразил Кел. – Он может освободить тебя...

На ней были белые шелковые перчатки. Она стиснула руки, и они напомнили Келу двух застывших белых птиц.

– Я не стану умолять его о помощи.

«Но ты все-таки просила его помочь. Я знаю об этом». Хотя на самом деле она просила не Конора. На его месте был Кел, переодетый в костюм принца, с талисманом на шее. Он

изображал Конора. Выполнял свой долг. И ответил ей так, как, по его мнению, ответил бы Конор, потому что иного выбора у него не было.

Но с того вечера Конор сильно изменился.

– Тогда я попрошу за тебя.

Во взгляде Антонетты была такая ярость, что он отшатнулся.

– Не смей, – прошипела она. – Хочу ли я выходить замуж за Гремонта? Нет. Если меня избавят от этого жениха, будет ли следующий, которого выберет мать, чем-то лучше? Тоже нет.

В зале поднялся шум; люди восторженно кричали, и Кел с трудом мог расслышать слова Антонетты.

– Шелковая хартия принадлежит мне по праву, и она будет моей. Если я могу получить ее только после свадьбы, то мне все равно, за кого выходить замуж. Гремонт сгодится для этого не хуже любого другого.

– Он плохой человек, – сказал Кел. – Поэтому его и отправили в ссылку.

Он хотел бы рассказать ей, в чем заключалось преступление Гремонта, но он поклялся Меррену молчать о случае с его сестрой.

– Я знаю. Мне казалось, – добавила она негромко, – что из всех моих знакомых ты, по крайней мере, не считаешь меня полной дурочкой.

Его охватило чувство, похожее на отчаяние. Она была так близко, что он видел, как бьется жилка у нее на шее, видел, как часто вздымается ее грудь при дыхании и блестит медальон... но она была дальше от него, чем когда-либо прежде.

– Ты притворяешься дурочкой, – сказал он. – Это твои доспехи.

Услышав это, она подняла голову и взглянула ему в лицо; ее голубые глаза в тусклом свете свечей казались почти черными.

– У каждого из нас есть свои доспехи, – сказала она. – Как будто у тебя их нет, Кел Анджуман.

Он подавился фразой, которую не мог произнести вслух. «Я – доспехи принца. У меня не может быть своих доспехов».

– Антонетта...

Она сделала шаг назад.

– Ты мне не отец, не брат и не возлюбленный, – бросила она. – У тебя нет на меня никаких прав.

После этого она протиснулась мимо него, шурша шелковыми юбками, и ушла. Вернулась в общий зал. Нельзя было, чтобы кто-то видел, как он входит сразу же за ней.

Кел несколько минут стоял неподвижно на прежнем месте. Здесь он мог ощущать аромат ее парфюма, еще витавший в воздухе. Мог представить себе, что она по-прежнему стоит рядом, почти вплотную к нему.

Но у него был долг перед друзьями. Долг перед принцем и городом. Он не мог слоняться по борделю, как изнывающий от любви студент, и списывать кипы бумаги стихами о своих страданиях.

Кел твердым шагом направился к лестнице и поднялся на второй этаж. Настроение было хуже некуда. И откуда у него в голове взялась эта фраза – «изнывающий от любви»? Он гордился тем, что никогда не был влюблен, и его разговор с Антонеттой не мог этого изменить. «У тебя нет на меня никаких прав», – так она сказала, и она была совершенно права. У него нет никаких прав и никакого шанса стать для нее кем-то большим, нежели другом детства. И ее муж вряд ли придет в восторг от его общества.

Он не имеет права любить ее; поэтому он ее не любит. Так он говорил себе, подходя к двери библиотеки. Из комнаты доносились голоса: видимо, там спорили или ссорились. Один голос, без сомнения, принадлежал Монфокону. При других обстоятельствах Кел немедленно

ушел бы, но сегодня это было невозможно. Ему нужно было получить информацию, а это было важнее хороших манер.

Кел бесшумно открыл дверь. Лампы в библиотеке не были зажжены, и комнату освещал свет уличных фонарей, проникавший в окна. Кел видел лишь силуэты Монфокона и его собеседника, словно вырезанные из черной бумаги.

– Раймон, – говорил Монфокон, – ты ведешь себя неразумно...

Раймон фыркнул. Это был широкоплечий, крепкий мужчина, на голову выше Монфокона, в его коротких темных волосах блестела седина. В лунном свете Кел разглядел его лицо – оно было изборозжено глубокими морщинами. Он удивился; гладиатор был на много лет старше Монфокона.

– Я что тебе, скоморох, что ли? – рявкнул он. У него был простонародный акцент; так говорили портовые рабочие и жители Лабиринта. – Я, черт бы тебя побрал, не собираюсь лезть на какую-то сцену и избивать человека ради этих заносчивых козлов, которых ты называешь своими друзьями.

– Поверь мне, я ни в коем случае не считаю тебя скоморохом. – Голос Монфокона напоминал мурлыканье кота. – Я хочу, чтобы они увидели, как искусно ты умеешь сражаться. Увидели великого Серого Змея во всей красе.

– Я уже не тот человек, каким был раньше.

– Но ты остался бойцом, – возразил Монфокон. – И я хочу, чтобы они восхищались тобой.

– Ты хочешь, чтобы они восхищались *тобой*, – поправил его Раймон.

Кел, стоявший за дверью, наклонил голову, чтобы скрыть улыбку, хотя ни один из мужчин его пока не заметил. Раймон определенно хорошо знал Монфокона. Келу стало интересно, давно ли они знакомы. Это заставило его вспомнить убийства в Сияющей галерее, и его улыбка погасла.

– Я ухожу, – прорычал Раймон. – Ты помнишь, что я с самого начала не хотел в этом участвовать, Люпен. Ты же сам мне говорил, что дела города и дела Горы нельзя смешивать.

Он развернулся на каблуках и вышел; в дверях он чуть не столкнулся с Келом, но даже не взглянул на него, как будто тот был не человеком, а букашкой. Когда Раймон проходил мимо, Кел заметил у него на шее, над воротником рубашки, темную татуировку в виде буквы S. Нет, это была не татуировка, а клеймо, которое ставили в тюрьме Талли. Раймон был преступником.

Монфокон обернулся к Келу и злобно воскликнул:

– Что это с вами, Анджуман? Совсем рехнулись? Стоите под дверью с дурацким видом и подслушиваете чужие разговоры?

Но Келу было сейчас не до Монфокона. Клеймо Талли – выходит, Раймон сидел в тюрьме? Это было интересно. С клеймом заключенного человеку трудно было найти работу в городе. Многие мужчины и женщины после освобождения становились наемниками, чтобы не умереть с голоду.

Выругавшись, Монфокон оттолкнул Кела, вышел в коридор и побежал по лестнице вниз. Кел подождал несколько минут, прежде чем идти за ним. Он сомневался в том, что в данный момент Монфокон нуждается в его обществе.

Спустившись, он обнаружил в главном зале «Каравеллы» полный хаос. Раймона не было, зато Монфокон стоял на сцене и спорил с мускулистым мужчиной, обнаженным до пояса и державшим под мышкой нечто вроде маски медведя.

– Да мне плевать, что он убежал, – орал мужчина, – и что мне не с кем драться. Плати деньги...

– Я буду с тобой драться, – раздался из толпы пьяный голос. – Пустите меня на сцену!

Киприан? Все толкались, суетились; Кел огляделся, но не увидел Антонетту. Хорошо. Из всех присутствующих только она могла заметить его отсутствие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.